

М. П.

Зап.-Сиб. Отдѣлъ И. Р. Географ. Общества

921 (57.1)
Г 62.

АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ГОЛУБЕВЪ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

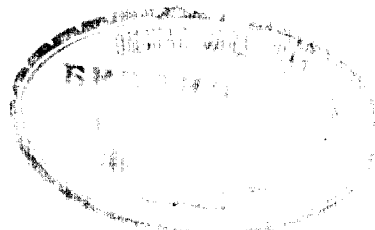
190961

—:~*~*~:—

Съ приложеніемъ двухъ статей и портрета
А. Ф. Голубева.

—:~*~*~:—

О М С К Ъ.
ТИП. ШТАБА СИБ. ВОЕН. ОКР.
1900.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ СРЕДНЮЮ АЗІЮ.—

ЗАИЛІЙСКІЙ КРАЙ.

Въ апрѣлѣ 1859 года я прибылъ въ укрѣпленіе Вѣрное, основанное въ 1855 году. Оно лежитъ въ 5000 верстахъ отъ Петербурга, почти на полъ-градуса южнѣе Флоренціи, у предгорій Алатау-Заилійскаго. Укрѣпленіе быстро заселилось и обстроилось; теперь въ немъ считаютъ до 5000 жителей. Оно состоитъ изъ двухъ частей: одна изъ нихъ примыкаетъ къ земляному укрѣпленію и имѣетъ небольшую деревянную церковь; другая—лежитъ въ 1½ или 2 верстахъ отъ первой и только что начинаетъ обстроиваться.

Населеніе Вѣрнаго состоитъ, почти исключительно, изъ казаковъ Сибирскаго линейнаго войска. Дома въ немъ одноэтажны, деревянные. Къ сожалѣнію, дерево немилосердно истребляется; теперь уже доставка его изъ горъ довольно затруднительна, а послѣ придется строить дома изъ камня или глины.

Вѣрное еще называется Алматау; это киргизское слово Алматау—яблочныя горы.

Говорятъ, что до прибытія русскихъ сюда, окрестныя горы изобиловали дикими яблонями и абрикоснымъ деревомъ или, какъ здѣсь называютъ, урюкомъ. Теперь же за яблоками или урюкомъ надо далеко забираться въ горы, то есть въ мѣста, гдѣ не стоитъ рубить дерево, за трудностью доставки.

Торговля въ Вѣрномъ самая незначительная: если когда нибудь караванъ забредетъ сюда, такъ онъ не раскладывается, а идетъ дальше къ Семипалатинску. Она пока ограничивается мелкими сдѣлками съ окрестными киргизами.

Главный же промыселъ жителей составляетъ земледѣліе, къ которому поощряетъ плодородіе почвы.

Въ настоящее время начали думать о садоводствѣ и разведеніи

винограда. Но такія желанія являются только у официальныхъ лицъ, а пока сами жители не пожелаютъ и не выучатся держать виноградныхъ лозъ, промыселъ останется игрушкой. Лучшимъ бы средствомъ къ тому было пригласить вѣсколько китайскихъ или туркестанскихъ семей, хоть изъ г. Кульджи; они знатоки этого дѣла. Доказательствомъ служить равнообразіе и обиліе плодовъ въ ближайшихъ китайскихъ поселеніяхъ, находящихся, впрочемъ, въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ Вѣрное.

Нѣкоторые изъ жителей Вѣрнаго съютъ особый родъ дынь, обыкновенный въ Китаѣ; эти дыни небольшія, чрезвычайно сладкія. Сѣмена для нихъ достаютъ изъ Кульджи, но, къ несчастію, не умѣютъ за дынями ухаживать и чрезъ годъ - два дыня перерождается и дѣлается обыкновенной. Однимъ словомъ, китайскіе садовники необходимы; охотниковъ бы нашлось много и помѣхи, въ политическихъ отношеніяхъ, не можетъ быть никакой.

Скотоводствомъ жители не много занимаются, не говоря уже о торговлѣ скотомъ, даже для себя.

Впрочемъ и то хорошо, что есть; казакъ, отрываемый часто отъ хозяйства, поставленъ въ исключительное положеніе, при которомъ и требовать лучшей дѣятельности отъ него трудно. Нельзя еще не упомянуть о пчеловодствѣ, которое идетъ съ успѣхомъ.

Вѣрное, какъ уже мы сказали, лежитъ у предгорія Алатау, на ровной мѣстности. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него, мѣстность становится холмистою, или, какъ говорятъ жители, начинается мелкосопочникъ. Скоро мелкосопочникъ обращается въ предгорія, разсѣченные ущельями, по которымъ стремятся быстрыя, горныя рѣчки. Ущелья покрыты разнообразнымъ кустарникомъ; а выше, единственное хвойное дерево въ краѣ, ель.

Дальше ландшафтъ заканчивается гребнемъ Алатау—зубчатою стѣною, покрытою никогда не тающимъ снѣгомъ. Изъ гребня, протѣивъ Вѣрнаго, поднимаются три особенно высокіе пика; они называются по именамъ рѣчекъ, берущихъ около нихъ начало: пикомъ Малой Алматинки, Большой Алматинки и Талгара, по порядку отъ запада къ востоку. Послѣдній пикъ Талгаръ, иначе Талгарнымъ Таль-Чаку, есть высшій пунктъ Алатау Запальскаго; онъ принадлежитъ сѣверной цѣпи и находится у той поперечной стѣны, которая соединяетъ оба хребта Алатау,—сѣверный и южный.

Рѣки, стремящіяся изъ Алатау, разводятся жителями по пашнямъ и служатъ для полива. Такіе ирригаціонныя каналы называются здѣсь арыками; они совершенно необходимы по рѣдкости дождя. Большая высота, съ которой рѣчки ниввергаются, позволяетъ весьма просто устраивать арыки.

Напоръ позволяетъ даже на нѣкоторыхъ небольшихъ разстояніяхъ придавать арыкамъ отрицательный уклонъ—выводить арыкъ въ гору. Я самъ видѣлъ нѣсколько такихъ арыковъ.

Обыкновенно рѣчка, обильная при выходѣ изъ горъ, совершенно высыкаетъ, протекши пашни. Значительная высота, на которой лежатъ Вѣрное, и близость горъ дѣлаютъ климатъ его здоровымъ и приятнымъ. Не бываетъ большихъ жаровъ; снѣгъ выпадаетъ небольшой и то на короткое время. Большая часть жителей не имѣетъ вовсе зимнихъ ракъ.

Я выѣхалъ изъ Вѣрнаго 22-го апрѣля.

Еще въ началѣ апрѣля посланъ былъ русскій казачій отрядъ въ 40 человекъ къ Иссыкъ-Кулю, на устьѣ р. Туба. Онъ имѣлъ цѣлю помѣшать распрямъ двухъ племенъ Черныхъ Киргизовъ, кочующихъ около озера; одно изъ нихъ Богу считается въ русскомъ подданствѣ; другое же Сары-багышъ, неподданное, тѣснило Богу и отрядъ назначался для защиты послѣднихъ отъ Сары-багышей. Съ этимъ отрядомъ я долженъ былъ соединиться на озерѣ и продолжать экспедицію. Я думалъ обойти Иссыкъ-Куль и вообще побывать въ мѣстахъ, населенныхъ негостеприимными племенами; потому безъ конвоя было бы невозможно путешествовать. Часть его уже стояла на озерѣ; съ другою выступилъ я въ сопровожденіи многихъ киргизъ, съ верблюдами, навьюченными провіантомъ, легкими палатками и другими вещами, необходимыми въ походѣ.

Киргизы большіе охотники провожать русскіе отряды. Киргизъ хвастается тѣмъ, что русскіе отдають ему преимущество предъ другими; придаетъ своей обязанности при отрядѣ особенную важность, даже въ собственныхъ глазахъ, и радъ всякому случаю сказать, что вотъ и онъ несетъ кюземеть, т. е. службу, кромѣ того, онъ надѣется получить послѣ экспедиціи какую нибудь награду. Почетные киргизы могутъ рассчитывать на чины, но и халать, сабля или просто похвальный листъ тоже имѣютъ значительную прелесть для степнаго честолюбца.

Если у киргиза есть похвальный листъ, онъ непременно покажетъ его всякому, кстатѣ ли то, или не кстатѣ.

Конечно тѣ, которые отличены русскими, и у себя, между киргизами, пользуются большимъ почетомъ. Почтарь съ даренной саблей, да еще съ похвальнымъ листомъ, бариномъ въѣзжаетъ въ ауль, и не разъ случалось мнѣ слышать жалобы на самоуправство такихъ чиновниковъ.

Сверхъ того, киргизъ по природѣ фланеръ; онъ радъ случаю придаться къ чемунибудь и пошляться, хотя бы безъ всякой цѣли. Но киргизы совершенно необходимы для отряда. Они, кромѣ того, что служить проводниками, несравненно легче и скорѣе, чѣмъ казаки, все увидеть и узнать.

Мы поѣхали изъ Вѣрнаго верхомъ на коняхъ, потому что дороги, возможные для телѣжной ѣзды, существуютъ во всемъ Запальскомъ краѣ только отъ Ила до Вѣрнаго, на 80-ти верстахъ, и отъ Вѣрнаго до поселенія Иссыкъ, на 30 верстѣ.

Кладъ возится на верблюдахъ, которые уносятъ до 16 пудовъ. Верблюдовъ для отрядовъ поставляютъ киргизы, по раскладкѣ; это единственная повинность, какую несутъ киргизы большой орды.

Я хотѣлъ идти прямо на озеро, на соединеніе съ отрядомъ, бывшимъ тамъ. Но кратчайшіе пути лежатъ чрезъ высокія горы, на которыхъ еще былъ обильный снѣгъ; потому должно было выбрать, хотя длиннѣйшую, но зато удобнѣйшую дорогу.

Мы отправились на востокъ отъ Вѣрнаго, оставивъ горы довольно далеко, вправо отъ себя. Первый переходъ былъ не великъ, верстѣ около 20-ти. Дошли до р. Талгаръ, гдѣ были приготовлены заботливыми киргизами юрты для насъ, и здѣсь мы расположились на ночлегъ.

Вскорѣ прискакалъ старшина сосѣдняго аула Тугоубай, а за нимъ другой, изъ болѣе отдаленныхъ ауловъ Атамгуль. Оба почетные старши старались оказать намъ все радушіе и мы, угостивъ ихъ своими запасами, усталые отъ непривычки къ верховой ѣздѣ, заснули крѣпкимъ сномъ.

Въ Запальскомъ краѣ кочуютъ киргизы Большой Орды и Черныя киргизы.

Большая Орда дѣлится на четыре поколѣнія: Атбановъ, Дулатовъ, Суановъ и Джелайровъ. Каждое поколѣніе управляется однимъ

старшимъ султаномъ. Въ Заилійскомъ краѣ кочуютъ Атбаны и Дулаты; первые въ восточной части края, а вторые въ западной. Поколѣніе дѣлится на множество родовъ, управляемыхъ старшинами или біями.

Султаномъ, кромѣ старшаго султана, называется всякій членъ его семейства; они ведутъ свое происхожденіе отъ Чингисъ-хана и поэтому называютъ себя „бѣлою костью“.

Всякій другой киргизъ, не исключая биевъ, принадлежитъ уже къ „черной кости“. Бій тотъ же родоначальникъ, старшій членъ старшаго семейства въ родѣ.

Киргизы прибѣгаютъ къ султану для разбора ихъ споровъ и онъ держитъ судъ и расправу по степнымъ обычаямъ. Если султанъ человекъ твердый, да еще батырь, такъ онъ пользуется большимъ вліяніемъ въ Ордѣ.

Батырь—богатырь, особенно почетный титулъ, приобретаемый за молодечество въ барантахъ, киргизскихъ турнирахъ, а по просту грабежахъ. Такъ Тезекъ, старшій султанъ Атбановъ, приобрѣлъ себѣ титулъ батыря; и его не называютъ султанъ Тезекъ, а просто Тезекъ-батырь, зато и Тезекъ говоритъ про себя, что „когда онъ былъ молодецъ, такъ такого вора и мошенника во всей Ордѣ не сыскать“.

Султаны несомнѣнно происходятъ изъ фамиліи Чингисъ-хана. Въ самомъ дѣлѣ, должно остановиться на мнѣніи, что киргизы произошли изъ многихъ мелкихъ народовъ монгольскихъ, турецкихъ, сплоченныхъ въ одну желѣзною рукою Чингисъ-хана.

Всѣ киргизы говорятъ татарскимъ языкомъ; но это только показываетъ, что въ сеймѣ народовъ турецкія племена были многочисленнѣе другихъ. Откуда взялось прозвище киргизъ—неизвѣстно; самъ же киргизъ зоветъ себя казакъ или киргизъ-казакъ, въ отличіе отъ русскаго казака, котораго онъ называетъ урусъ-казакъ.

Знатность происхожденія султановъ заставляетъ киргизовъ уважать ихъ; отъ этого ли, или отъ врожденнаго честолюбія киргизы не прочь посчитаться между собою аристократизмомъ происхожденія.

Утромъ мы отправились дальше, въ сопровожденіи Атамкула. Отъ Тамгара перешли еще рѣчку Иссыкъ; выше на этихъ рѣчкахъ, у горъ находятся русскія поселенія, только что начинающія обстроиваться. Еще дальше, рѣчку Тургенъ маловодную, но текущую здѣсь въ широкомъ и глубокомъ каменномъ руслѣ, съ крутыми берегами. Въ то

время она раздѣляла Дулатовъ отъ Атбановъ; за нею начинались кочевья Атбановъ, рода Кызимъ-буркъ, котораго бѣемъ былъ Атамкуль.

Наконецъ, къ вечеру мы прискакали или, какъ говорятъ въ Сибири, прибѣжали въ ауль, гдѣ жилъ самъ Атамкуль.

Киргизъ живетъ въ войлочной юртѣ; внутри ея, на землѣ, поставлены войлоки, а у богатыхъ ковры и подушки. Имущество, которое есть, хранится тутъ же. Юрта очень удобное жилье для кочевника; она легка, не тяжелѣе 20-ти пудовъ, ее скоро разбираютъ, вьютъ на верблюда или вола и везутъ подвижной домикъ на новое мѣсто. По приходѣ тоже, меньше чѣмъ въ полчаса, юрта уже поставлена и готова принять хозяина. Но зимою она худо грѣетъ и тогда ее обтягиваютъ двойнымъ рядомъ войлоковъ. Вообще зима горестное время для киргиза; и онъ самъ, и его скотъ изнуряются, болѣютъ. Но вѣтъ наступаетъ весна, зазеленѣли корма для стада, приволье. Киргизъ ожилъ, зашѣлъ, пока новые морозы не заставятъ его опять поиргуныть.

Юрта Атамкула, одного изъ богатыхъ людей, была просторна, щедро снабжена коврами и подушками.

По приѣздѣ къ нему, насъ встрѣтили его дѣти, между которыми мы замѣтили малятку не болѣе 2-хъ, 3-хъ лѣтъ, но смотря на то, что отцу смѣло можно положить за 75 лѣтъ.

Началось обычное подчиваніе: кумысъ, вареная баранина, копченое жеребьяче мясо; потомъ чай, приготовленный и поданный по русски, съ самоваремъ, чайникомъ и чашками; тутъ же явился изюмъ и урюкъ, замѣняющій сахаръ.

Старшая жена Атамкула во все время пирушки нашей не смѣла подойти, даже подать голосъ. Она все время сидѣла молча въ уголкѣ; если сынъ ея или другой кто вѣбудъ давалъ ей кусокъ, принимала съ благодарностью и съ жадностью ѣла.

Положеніе женщины очень грустное у киргизъ. Мужчина ни о чемъ не заботится, ѣздитъ на баранту, въ гости, чтобы разширить или передать какую вѣбудъ новость, да лежитъ себѣ въ юртѣ. Всѣ обязанности, начиная отъ ухода за дѣтьми и кончая управленіемъ верблюдомъ при перекочевкахъ, лежатъ на женщинѣ. Понятно, что хорошенькая съ молодую, а такія не рѣдки между киргизами, скоро увянетъ; а киргизу и горя нѣтъ, онъ возьметъ себѣ новую жену и правъ. Раннему увяданію женщины помогаютъ еще то, что берутъ

въ жены очень молодыхъ. У киргизъ есть даже поговорка: „бросилъ въ дѣвку шапку, не свалилась, можно взять въ жены“.

За жену надо заплатить калымъ; потому, конечно, бѣдные по-неволѣ довольны одной женой; но бываютъ примѣры и между богатыми, что мужъ имѣетъ только одну жену, которую любить и бережетъ, конечно, рѣдко.

Когда распростились и вышли изъ юрты, солнце уже садилось и стада уже возвращались съ пастбищъ въ аулъ; тутъ настаютъ хлопоты бѣднымъ женщинамъ: отвести ягнать отъ матерей, перевязать ихъ, подоить овецъ и проч.

Но вся картина для новаго человѣка поразительна; невольно переносишься въ библейскія, патриархальныя времена.

Простившись съ киргизскимъ Авраамомъ, мы дошли еще до р. Чабдаръ, гдѣ и расположились на ночлегъ.

Чабдаръ, какъ и Тургенъ и Иссыкъ, была бы значительная рѣчка, если бы не разводилась по арыкамъ. Можно сказать, что здѣсь рѣка, по выходѣ изъ горъ, впадаетъ въ пашню.

Въ слѣдующій день мы стали уже подходить къ горамъ. Въ лѣво отъ насъ въ сторонѣ къ Или, верстахъ въ 17-ти отъ нижней, караванной дороги, по которой мы шли, указали намъ развалины, принадлежащія, какъ согласно показываютъ киргизы, калмыкамъ. Ихъ нѣсколько, на нѣкоторомъ одна отъ другой разстояніи; каждая представляетъ слабые остатки вала, сажень около 100 въ сторонѣ, изъ обожженнаго кирпича. Вѣроятно, они были построены калмыками, въ цвѣтущій періодъ ихъ исторіи, для удержанія киргизъ-казаконъ отъ набѣговъ на южную половину долины Или, занятую тогда калмыками.

Скоро мы подошли къ р. Чиликъ. Она тутъ только что выходитъ изъ горъ, имѣетъ до 10 сажень ширины и въ мѣстѣ, гдѣ былъ бродъ, не болѣе 1 аршина глубины, но зато чрезвычайно быстра. Дно ея усыпано большими камнями, и вода, въ быстромъ теченіи, разбиваясь о камни, шумитъ и гвѣнится.

Мнѣ случилось перезѣзжать такую рѣку въ первый разъ и снажу, что я почувствовалъ особенное удовольствіе, когда очутился на другомъ берегу. При перезѣздѣ кажется, что вода несетъ, что у лошади подкашиваются ноги, и она не въ силахъ бороться съ быстротою.

На берегу Чилика мы расположились на ночлегъ. Мѣсто, на ко-

торомъ мы стояли, очень привлекательно. Чиликъ здѣсь течеть въ узкой долинѣ, поросшей особаго рода тополемъ, кустарникомъ и свѣжей зеленой травой.

Казаки удили въ Чиликъ османовъ, очень вкусную рыбу, похожую на форель.

Вечерѣло; закурились по лагерю огоньки: люди кипятятъ воду въ мѣдныхъ чайникахъ для чаю, необходимой утѣхи въ странствіяхъ. Вскорѣ мы были пріятно развлечены пѣніемъ соловьевъ; тутъ Чиликъ выводитъ свою однообразную грустную ноту.

Но своего рода поэзія занимала насъ въ то время. Изъ отряда, стоявшаго на озерѣ, прискакалъ почтарь-киргизъ; онъ торопилъ насъ идти на озеро: черные киргизы окружали маленькій русскій отрядъ и, съ часу на часъ, дѣлались отважнѣе; лошадей ужъ негдѣ было пасти. Мы подумали и рѣшили самимъ идти возможно поспѣшнѣе, а въ отрядъ написали, чтобы онъ не оставался въ ожиданіи насъ на озерѣ, а, если можно, шелъ бы къ намъ на встрѣчу.

Утромъ, на другой день, переходили невысокую вѣтвь Богуту, отдѣлившуюся на С.-В. отъ горъ Алатау.

Проходъ этотъ, называемый Сейрекъ-Тамъ, очень удобенъ и живописенъ. Я взбирался на вершины около прохода и вся долина Или была видна, какъ на ладони; сама Или блестѣла ленточкой, на З. безграничная равнина сливалась съ горизонтомъ, а на С.-В. въ туманѣ подымались горы, съ всегдашнимъ своимъ мрачнымъ, хотя и чарующимъ вліяніемъ на душу. Это тоже Алатау, который для отличія отъ Зайлійскаго Алатау, нѣкоторые называютъ Джунагарскимъ.

За хребтомъ Богуту, между нимъ и Алатау разстиается песчаная, почти безводная долина, шириною по дорогѣ около 10 верстъ, знаменитая своими бурями. Мнѣ рассказывали сами свидѣтели, что въ такую бурю перейти долину невозможно: вѣтеръ спшибаетъ съ ногъ верблюда.

Хребетъ за долиною называется Турайгиръ; подъ этимъ именемъ извѣстна часть сѣвернаго хребта Алатау, между рр. Чиликомъ и Чарыномъ.

Черезъ Турайгиръ считаютъ шесть переходовъ; мы шли третьимъ отъ Чилика, переходомъ Аиръ, несовсѣмъ удобнымъ. Но говорятъ, что послѣдніе два прохода Иргайты очень удобны. На обоихъ прой-

денныхъ хребтахъ нѣтъ даже признаковъ растительности, одни голые, переломанные пласты сланца.

Переходы чрезъ Богуту и Турайгирь нѣсколько приучили насъ къ горнымъ проходамъ.

Узенькая тропинка, по которой идутъ по одиночкѣ, пролегаетъ по косогорамъ; съ одной стороны ея стѣна, а съ другой оврагъ; въ кульминарующихъ точкахъ прохода тропинка идетъ по увалу, между двумя вершинками. Чѣмъ косогоры покатѣе, менѣе круты, тѣмъ горный проходъ удобнѣе. Удобство прохода много зависитъ отъ почвы; неприятно, если почва рыхлая, обсыпаящаяся подъ ногами лошади; если же глинистая, такъ во время дождей такіе проходы опасны.

На одномъ изъ такихъ проходовъ, въ дождливое время, чуть не погибъ одинъ изъ русскихъ путешественниковъ; лошадь начала скользить и испугъ до того овладѣлъ всадникомъ, что за нимъ осталась честь первому огласить горы русскимъ „караулъ“.

На Турайгирѣ мы получили новую вѣсть изъ отряда на озерѣ, также неприятную, какъ и первая. Почтарь, посланный отъ Чилака, еще не успѣлъ туда прибыть, и командующій отрядомъ не зналъ— гдѣ мы и что предпринять.

Киргизы, бывшіе при отрядѣ, не рѣшались уже пробираться къ намъ между Черными киргизами. Вѣсть привезъ одинъ старый казакъ; онъ ночью пробрался чрезъ труднѣйшіе горные проходы, кратчайшимъ путемъ, и, еще не осушавшись отъ снѣговъ на горахъ, пересказалъ намъ о положеніи отряда.

Казакъ этотъ очень хорошо знаетъ языкъ и обычай киргизовъ и рассчитывалъ, если не повезетъ, какъ нибудь извернуться.

Почти всѣ казаки говорятъ по киргизски; а нѣкоторые изъ нихъ даже въ родствѣ съ киргизами: у этого мать крещеная киргизка, а у другого отецъ или дѣдъ. Многіе изъ нихъ между собою предпочитаютъ говорить по-киргизски; отъ того намъ переводчиковъ не нужно было,—каждый казакъ и переводчикъ.

Положеніе нашихъ на озерѣ было тяжело; но мы были близко и уже не боялись за нихъ, рассчитывая именно на слѣдующую черту характера киргиза.

Онъ особенно любитъ слушать или передавать новости. Нерѣдко киргизъ екаетъ, сломя голову, въ другой аулъ, къ своимъ род-

ственникамъ или знакомымъ, рассказать какую нибудь вѣсть, не обращая вниманія, достовѣрна ли она или нѣтъ. Отъ этого всегда происходитъ, что на нѣкоторомъ разстояніи слухъ, оставаясь въ существѣ тотъ же, принимаетъ громадныя размѣры, получаетъ особенную важность.

Навѣрно, Черные киргизы знали, что идетъ отрядъ на выручку и вмѣсто 50-ти человекъ, сколько насъ было, считали отрядъ въ 500 человекъ, да еще съ зембереками, т. е. орудіями, особенно страшными для киргизъ.

Мы не обманулись: послѣ узнали, что дѣйствительно, когда мы были около Турайгира, Черные киргизы сдѣлались не такъ дерзки, какъ были прежде, боясь мщенія силы, шедшей на выручку.

За Турайгиромъ начинается равнина Джеланашъ; эта ровная каменная и безводная площадь, какъ между Богуту и Турайгиромъ, тянется до мѣстности Мерке.

Лѣтомъ, на такихъ степныхъ пространствахъ какъ Джеланашъ, киргизы не кочуютъ. Мнѣ впоследствии, въ срединѣ лѣта, пришлось проходить еще разъ Джеланашъ и ни малѣйшей травки, все было выжжено палящими лучами солнца или сѣдено кузнечиками, разлетавшимися, какъ пыль, при каждомъ шагѣ лошади.

За плато Джеланашъ, мѣстность (Мерке) вновь становится гористою, но относительно Джеланаша немного выше.

Мерке называется такъ по имени трехъ рѣчекъ Мерке, прорывающихъ этотъ широкій массивъ и впадающихъ въ Чарынъ. Мерке должно разсматривать, какъ продолженіе широко-развѣтвившагоса Алатау, который здѣсь переходитъ за Чарынъ и идетъ подъ разными названіями дальше на В.

Оврага, въ которыхъ текутъ эти рѣчки, чрезвычайно глубоки, но не широки. Перейдя Джеланашъ и очень не много поднявшись, мы нѣсколько часовъ спускались съ берегу 1-й Мерке. Долины Мерке, покрытыя густою травою, представляютъ удобныя мѣста для кочевковъ и въ то время были заняты Атбанами. Лѣтомъ, когда на голомъ Джеланашѣ бываетъ вестерпимый, удушливый жаръ, на Мерке пріятная прохлада и обильныя корма для стада.

Мы остановились на берегу 1-й Мерке.

Киргизы, волей или неволей, радушно приняли насъ, дали намъ барановъ, натащили кумысу и айрану. Айраномъ называется про-

стоиваши изъ коровьего, преимущественно же изъ овечьего молока. Онъ, какъ и кумысъ, отлично освѣжаетъ во время похода и очень питателенъ. Если нѣтъ ничего, кромѣ айрана, такъ киргизъ имъ сытъ на нѣсколько дней.

Вечеромъ къ намъ въ юрту пришелъ киргизъ-музыкантъ съ своимъ инструментомъ—дощбой, въ родѣ нашей балалайки; на ней было только двѣ струны. Впоследствии мнѣ случалось видѣть много такихъ музыкантовъ, но этотъ былъ совершенный артистъ. Надо видѣть, какъ ловко онъ управляется пальцами.

Киргизы играютъ на мотивы русскихъ пѣсенъ; а если онъ поетъ, то аккомпанируетъ себѣ своеобразною, довольно пріятною мелодіею. Во время похода они любятъ пѣть, и извѣстный пѣвецъ привлекаетъ вниманіе другихъ; его окружаютъ и съ удовольствіемъ слушаютъ. Киргизъ свою пѣсню обыкновенно импровизируетъ; мнѣ не удалось слышать пѣсенъ, раньше сочиненныхъ какимъ нибудь поэтомъ и повторяемыхъ степенными бардами. Идетъ киргизъ по долині, онъ начнетъ пѣть, какъ долина хороша, какая на ней славная трава, питающая стада, а стада какія тучныя, какъ счастливы хозяева ихъ. Если же онъ знаетъ хозяина, такъ пропоетъ, что стада очень счастливы, принадлежа такому доблестному, непобѣдимому батырю. И все въ такомъ же родѣ.

Верстахъ въ 5-ти отъ 3-й Мерке, Чарынъ пробиваетъ горы, суживается и скаты отврага, состоящіе изъ обнаженной горной породы, отвѣсны. Черезъ это мѣсто ведетъ узенькая тропинка, безъ особенныхъ, впрочемъ, неудобствъ; проходъ называется Тикъ-Ташъ. За нимъ по Чарыну встрѣчаются ровныя, небольшія долинка, образованныя ручейками, текущими въ Чарынъ; онѣ очень живописны, но виды вообще узки, ландшафтъ отовсюду стѣсненъ горами. Обыкновенно на нихъ кочуютъ киргизы; но узнавъ о приближеніи отряда, они откочевали въ горы, и вотъ по какой причинѣ. Поколѣніи рода Атбановъ, кочующія въ этихъ мѣстахъ, провинились предъ русскими властями; старшина ихъ, въ особенности виноватый, сидѣлъ прежде на гауптвахтѣ въ Вѣрномъ и не согласился ѣхать туда на новые вызовы. Поэтому онъ думалъ, что съ аудами не станутъ церемониться, а самого его, при случаѣ, возьмутъ, да опять на гауптвахту; а для киргиза заключеніе одно изъ самыхъ тягостныхъ наказаній, о которомъ безъ ужаса онъ вспомнить не можетъ.

Впоследствии онъ показалъ раскаяніе, старался оказать какія могъ услуги русскимъ и былъ прощенъ.

Этотъ старшина знаменать между киргизами; онъ еще, какъ говорятъ, 12-ти лѣтъ принималъ дѣятельное участіе въ барантахъ и заслужилъ титулъ батыря.

Слѣдуя дальше вверхъ по Чарыну, пришли на рѣчку Черганаекъ, впадающую въ Чарынъ. Здѣсь на небольшой, болотистой равнинѣ съ хорошими травами мы остановились. Не успѣли еще совсѣмъ расположиться, какъ узнали, что отрядъ, выступившій отъ озера, недалеко; а вслѣдъ затѣмъ онъ показался.

Какъ ожидали, такъ и случилось: черные киргизы безпрепятственно пропустили отрядъ и онъ благополучно соединился съ нами. Особенно были довольны киргизы; всѣ они, за исключеніемъ двухъ-трехъ, были Атбаны, съ которыми Сары-богиши не ладили.

При расприхъ между Богишами и Сары-богишами, Тезекъ, старшій султанъ Атбановъ, помогалъ первымъ. Сары-богиши этого не забыли и особенно грозили Ширала, брату Тезека, бывшему при отрядѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и другимъ Атбанамъ; они обѣщали покидать ихъ въ озера я, какъ мнѣ рассказывали, киргизы наши поприуныли.

На радостяхъ встрѣчи, киргизы вздумали джигитовать. Они довольно мѣтко стрѣляли изъ луковъ на всемъ скаку въ цѣль, показывали, какъ, взявъ копыя на перевѣсъ, мчатся въ атаку, боролись и проч. Въ такихъ упражненіяхъ они вообще ловки. Кромѣ луковъ и копій, киргизы вооружаются еще пашками и айболтами; огнестрѣльнаго оружія я очень мало встрѣчалъ въ Большой Ордѣ.

Лукъ дѣлается изъ дерева, обвитаго жилами; стрѣла изъ камыша, длиною аршина въ полтора, съ желѣзнымъ наконечникомъ. Копыя у киргизъ длинныя, до $1\frac{1}{2}$ сажень, но тонкія; наконечникъ копыя или желѣзный, или изъ обожженной глины, или же, просто, заостренный конецъ обугливають. Подъ остриемъ, для красоты, навязываютъ пучокъ короткихъ, конскихъ волосъ. Не думаю, чтобы такое копые было страшно: его легко перерубить пашкою и даже просто сложить рукою. Айболта есть топоръ на длинной рукояти, а чтобы нельзя было за нее ухватиться, такъ подъ топоромъ на рукояти укрѣпляется острое лезвее, длиною вершковъ шести. Айболта страшна въ рукахъ хорошаго бойца; ею можно нанести смертельный ударъ

въ голову. При барабатахъ убійство не позволительно; такъ, если нужно поугатъ и ошедомить противника, кирсизъ айболтоу, ударяя въ голову, будетъ дѣлать только легкія ранки, разрубать кожу, не трогая черепа; у богатырей, обыкновенно, вся голова покрыта рубцами, и они ими хвастаются.

На другой день мы двинулись дальше; перешли рѣчку Джиль-Каркара и пришли къ соединенію рѣкъ Каркары съ Кегеномъ.

Каркара получаетъ начало изъ Тянь-Шаня въ Ханъ-Тенгри и течетъ на сѣверъ; Кегенъ течетъ съ востока и впадаетъ въ Каркару. По соединеніи, рѣка принимаетъ названіе Чарына и впадаетъ въ Или. Каркара, а потомъ Чарынъ принимается официальной границею нашею съ Китаемъ.

Берега ихъ невысоки, и Каркара постоянно моетъ свой восточный, песчаный берегъ; старое русло ея къ З. отъ настоящаго ясно видно.

У соединенія Каркары съ Кегеномъ образуется значительная, высокая площадь, окаймленная горами съ прекрасною травой.

До сихъ поръ мѣстность представляла любопытное, террасовидное сложеніе. Начиная отъ Или до плато Каркары, подымались какъ по лѣстницѣ; первую ступень составляетъ долина между Богуту и Турайгаромъ; Джеланашъ ужъ не многимъ ниже прохода Сейрекъ-Ташъ въ Богуту, а плато Каркары значительно выше.

Въ ночь съ 3-го на 4-е мая былъ дождь, и всѣ окрестныя горы покрылись снѣгомъ; рассказываютъ, что вѣтеръ и ненастье бывають часто здѣсь. Мнѣ послѣ случилось быть еще на этомъ плато, около половины мая, и всѣ ночи были такъ холодны, что приходилось кутаться въ шубахъ; да и днемъ термометръ не подымался выше 13° R. Каркара и Кегенъ замерзають въ сентябрѣ и освобождаются отъ льда въ мартѣ или апрѣлѣ.

Вверхъ по Каркарѣ, верстъ на 5, есть рощица, большая рѣдкость здѣсь. Отъ самаго начала похода я не видалъ кучки деревъ, которую бы можно было назвать рощицей.

Изъ этой рощицы усердные киргизы таскали намъ топливо. За недостаткомъ дерева, обыкновеннымъ топливомъ служатъ сухой, животный пометъ, котораго вездѣ множество. Онъ горитъ небольшими пламенемъ и даетъ достаточный жаръ, чтобы вскипятить воду и сварить что нибудь. Какъ только придемъ на привалъ, казаки тот-

часть отправляются за этимъ степнымъ, горючимъ матеріаломъ и всегда собираютъ его въ недостаточномъ количествѣ. Вотъ горе, когда стоять невастье, тогда приходится оставаться безъ чаю и довольствоваться водой съ сухарями.

Близъ впаденія Кегена въ Каркару, находятся слѣды стараго вала; онъ такъ разрушенъ, что ни фигуры, ни величины его опредѣлить нельзя, но видно, что онъ былъ довольно значителенъ. На картѣ средней Азіи, составленной по китайскимъ источникамъ г. Захаровымъ, показано нѣсколько снятыхъ китайскихъ пикетовъ, вверхъ и внизъ по Каркарѣ, отъ устья Кегена; одинъ изъ нихъ показанъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ я видѣлъ остатки вала. Вѣроятно, пикеты эти были построены по покореніи Джунгаріи китайцами, вмѣстѣ съ началомъ колонизаціи ея, въ концѣ прошлаго столѣтія, для удержанія Черныхъ киргизовъ отъ набѣговъ.

Плато Каркары занято было Атбанами; на немъ кочевалъ богатый почетный киргизъ; у него однихъ лошадей нѣсколько тысячъ головъ.

Отсюда мнѣ слѣдовало идти прямо на озеро. Но опытные люди совѣтывали просить изъ Вѣрнаго еще, по крайней мѣрѣ, полсотни казаковъ; они говорили, что берега озера сплошь покрыты сары-богишами, считавшимися тогда въ подданствѣ Коканскаго хана, враждебными русскимъ. Кромѣ того, разнесся слухъ, что сары-богиши подкрѣплены коканцами; слухъ этотъ имѣлъ основаніе: послѣ мы узнали, что въ то время отрядъ коканцевъ ходилъ къ сары-богишамъ собирать съ нихъ подать.

Потому-то я просилъ изъ Вѣрнаго подкрѣпленія; а самъ покарѣлся побывать въ Сумбѣ. Такъ называютъ калмыцкій буддійскій монастырь, находящійся въ 4-хъ переходахъ, около 100 верстъ отъ плато Каркары. Тѣмъ болѣе интересно было тамъ побывать, что въ союзнствѣ съ Сумбѣ кочевали Черные киргизы племени Богу, считавшіеся русскими подданными.

6-го мая утромъ мы выступили отъ Каркары, оставивъ всѣхъ верблюдовъ и все тяжелое на Каркарѣ, подъ прикрытіемъ половины людей всего отряда. И такъ мы перешли границу и находились въ Китаѣ.

Дорога лежала намъ все вверхъ по Кегену. Долина Кегена довольно широка, но мѣста удобныя для кочевковъ находятся только

около предгорій; средина же долины, гдѣ течеть Кегень, болотиста и въ иныхъ мѣстахъ болота такъ топки, что переѣздъ невозможенъ.

Съ обѣихъ сторонъ Кегена возвышаются невысокія горы, составляющія одинъ и тотъ же хребтъ; но у киргизъ разныя части ихъ носятъ особыя названія. Начиная отъ Каркары по лѣвой сторонѣ, то есть на с. отъ Кегена, тянутся Куллокъ, Арассанъ, Чѣнпанынъ до начала Кегена. Съ права, на ю. отъ Кегена, идутъ Орто-тау.

Всѣ эти горы имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ, состоятъ изъ той же горной породы и тянутся однообразной непрерывной полосой, съ обѣихъ сторонъ Кегена. За Арассаномъ горы носятъ названіе Темерликъ, по имени рѣчки, вытекающей отсюда и впадающей въ Чарынъ. Куллокъ, Арассанъ съ Темерликомъ, Чѣнпанынъ отдѣляютъ долину Кегена отъ низменности Или, а Орто-тау отдѣляетъ Кегень отъ долины Текеса.

Въ разстояніи около полперехода отъ Каркары, изъ невысокой горы вытекаетъ холодный ключъ, — термометръ показалъ въ немъ 7° R., тогда какъ въ воздухѣ было 21°. Говорятъ, что этотъ ключъ имѣетъ цѣлебное свойство, и калмыки ѣздятъ сюда лечиться; около ключа, на скалахъ, высѣчены надписи: вѣроятно, какое нибудь изрѣченіе ихъ буддійскихъ священныхъ книгъ. Киргизы всякій цѣлебный, минеральный ключъ, будетъ ли онъ горячій или холодный, какъ этотъ, называютъ Арассаномъ; это нѣсколько испорченное монгольское слово.

Отъ имени ключа окрестныя горы называются Арассаномъ.

Къ вечеру мы пришли къ рѣчкѣ Курайлъ, образующей проходъ черезъ горы въ долину Или. На рѣчкѣ нашли послѣдніе аулы Атабановъ; дальше мы не встрѣчали киргизовъ Большой Орды.

На другой день, сдѣлавъ около полперехода отъ Карайла, подошли къ рѣчкѣ Чѣнпанъ. Горы отъ нея, дальше къ в., называются Чѣнпанынъ-тау. Рѣчка образуетъ другой проходъ черезъ горы, ведущій тоже въ долину Или.

Въ горахъ по этой рѣчкѣ находятся оставленные китайскіе прииски. Они состоятъ изъ множества шахтъ очень глубокихъ: со дня нѣкоторыхъ изъ нихъ поведена боковая шахта, до сосѣдней вертикальной. Вообще никакого порядка въ расположеніи шахтъ не замѣтно; но если шахта грозитъ обваломъ, такъ она поддерживается деревянными блиндажемъ, самой простой конструкціи и то очень рѣдко.

Руды свинцовыя, цинковыя и мѣдныя; особенно богаты первыя двѣ.

У выхода рѣчки Чэнпань изъ горъ, видны слѣды построекъ изъ глины и арыковъ, которые свидѣтельствуютъ, что тутъ были и пашни. По всему видно, что прииски недавно оставлены; въ нихъ я еще видѣлъ уголь въ мѣстахъ, гдѣ были кузницы.

Киргизы рассказываютъ, что прииски эти разрабатывались чэнпанами; такъ они называютъ ссыльныхъ китайцевъ. Чэнпаны постоянно ссорились съ киргизами, и киргизъ, попавшійся къ нимъ въ руки, не уходилъ живой. Наконецъ киргизы отомстили имъ за то, всѣхъ истребивъ и разрушивъ. Въ память этого событія называются рѣчка и сосѣднія горы.

Кочевнику киргизу необходимо различать названіями возможно большее число мѣстностей. И дѣйствительно, каждый ручеекъ имѣетъ свое имя; горы, по какимъ нибудь признакамъ, раздѣляютъ на части съ особыми названіями; также урочище съ замѣтнымъ камнемъ или деревомъ непременно ужъ какъ нибудь названо. Такъ точно прибрежный житель различаетъ всякій маленькій изгибъ, всякую ничтожную мель или камень.

Отъ того происходитъ, что одна и та же рѣка, въ продолженіи своего теченія, носить нѣсколько названій, наприм. Каркара по припятіи Кегена называется уже Чарыномъ; рѣка Чу, противъ Иссыкъ-Куля, называется Кашгаръ, дальше до впаденія въ нее Кебина, Буомъ, и потомъ Чу. Тотъ же самый хребетъ въ разныхъ частяхъ называется иначе: Куллокъ, Арассанъ, Чэнпань-тау, Тчалкуйде. Надо замѣтить, что киргизскія названія часто характерны: наприм. названія рѣчекъ Акъ-су (бѣлая вода), Кокъ-су (зеленая вода) и проч. Въ Семирѣченскомъ краѣ одна вѣтвь Алатау, названная на картахъ Арассаномъ, называется киргизами Бала-Алатау (дѣтя Алатау).

Разнообразіе въ устройствѣ Зайлійскаго и Семирѣченскаго краевъ, давая возможность киргизу всегда приурочиваться, составляетъ причину, почему здѣшніе киргизы не имѣютъ понятія о пользѣ звѣздъ для ориентировки въ походахъ; между тѣмъ какъ малая Орда, кокуюшая въ однообразныхъ степяхъ, отличается своими познаніями въ умѣньи ориентироваться и даже узнавать время по звѣздамъ. Сколько я не спрашивалъ, мнѣ удалось замѣтить у киргизъ Большой Орды только слѣдующія свѣдѣнія о звѣздномъ небѣ. Они знаютъ полярную звѣзду и знаютъ ее неподвижность, почему и назы-

вають ее темиръ-казыкъ, т. е. желѣзный колъ. Знають большую медвѣдицу, которую вовуть джеты-карачки, т. е. семь молодцовъ. Они рассказываютъ, что къ желѣзному колу (полярной звѣздѣ) привязаны два коня (двѣ свѣтлыя звѣзды малой медвѣдицы), и семь молодцовъ, или, что по ихъ понятіямъ все равно, семь воровъ (большая медвѣдица) гонятся за этими конями, которые, убѣгая, вертятся около кола. Когда воры догонять коней, тогда будетъ конецъ міра. Кромѣ того отличаютъ плеяды, уркюръ по киргизски; еще Веверу—челпанъ; другихъ названій я не слышалъ, хотя, вѣроятно, они и есть. Но дѣло не въ названіяхъ, а въ умѣньи воспользоваться ими; этого я и не замѣтилъ между здѣшними киргизами, по крайней мѣрѣ, въ массѣ.

На слѣдующій день, пройдя версть 15 отъ ночлега, подошли къ соленому озеру Боро-дабсунъ-норъ, расположенному въ котловинѣ между горами; въ это время оно успѣло уже высохнуть и было очень не велико. По рассказамъ, лѣтомъ озеро совсѣмъ пересыхаетъ; но видно, что и въ водополь его размѣры незначительны. Изъ него добываютъ очень хорошую соль и во время проѣзда мы видѣли здѣсь человекъ 15 китайцевъ, пріѣхавшихъ съ этою цѣлью.

Тутъ-же, не доходя нѣсколько озера, лежатъ пространныя болота; изъ нихъ, увеличиваясь ручьями, текущими съ окрестныхъ горъ, вытекаетъ Кегенъ. Въ болота втекаетъ рѣчка Тчалкуйде, отдѣляющая горы Тчалкуйде, продолженіе Ченпананъ-тау, отъ Кара-тау, продолженія Орто-тау. Последнія подходятъ къ Боро-дабсунъ-норъ и въ котловинѣ, образованной ими помѣщается озеро. Около него очень неприятный, тяжелый воздухъ, напоминающій запахомъ сѣрнистый водородъ.

Насъ томила жажда, но вблизи не было воды, годной для питья; напрасно мы посылали людей къ могилкамъ, видѣвшимся невдалекѣ,—всѣ ручьи пересохла.

Полезно знать путешественнику, что одинъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ для отысканія воды, есть киргизскія могилки. Они всегда располагаются на ручьѣ или рѣчкѣ, или же вблизи отъ нихъ.

Вода нужна для поминковъ по покойникамъ, которыя устраиваются на могилахъ и сопровождаются болѣе или менѣе обильнымъ пиромъ, смотря по богатству родственниковъ умершаго.

Мы шли узкой долинкой въ невысокихъ горахъ Кара-тау и,

пройдя еще версты 10 къ в. отъ озера, наконецъ нашли маленькій ключъ Бюрю-су, на которомъ и остановились. Вправо отъ насъ, т. е. къ югу, находились предгорія Кара-тау, выходящаго рядомъ небольшихъ холмовъ въ долину Текеса. Влѣво шель главный крижъ Кара-тау, за нимъ долина р. Тчалкуйде и горы того-же имени, за которыми низменность Или.

Отдохнувъ, я пошелъ на горы; съ высокой сопки видна была вся долина Текеса, окаймленная съ юга исполинскимъ Тянь-Шанемъ. Здѣсь я въ первый разъ увидалъ Тянь-Шань.

Къ вечеру началась гроза и пошелъ градъ. Кара-тау заблѣлъ; но къ утру на немъ не было уже слѣдовъ града или снѣга. Рассказываютъ, что въ этой долинѣ, какъ и въ долинѣ Кегена и на плато Наркаръ, ненастье бываетъ очень часто; въ другой разъ, когда мы возвращались и опять остановились при Бюрю-су, также была гроза.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы миновали послѣдніе аулы Атбановъ, не встрѣчали хорошей травы; стада не живили картины. Только изрѣдка пролетитъ какойнибудь хищникъ, чужа вдалекѣ добычу, да кое-гдѣ испуганный сурокъ промелькнетъ въ свою норку, въ этихъ негостеприимныхъ, каменистыхъ пустыряхъ.

На другой день продолжали идти тою же долиною; перешли небольшую рѣчку Ишекартканъ-су, выходящую изъ Кара-тау и текущую въ Текесъ.

Долина постоянно суживалась, и наконецъ узкою щелью въ горахъ мы вышли къ Сумбѣ. Сумбѣ лежитъ на небольшомъ высокомъ плато, между горами. Небольшая рѣчка Алванъ протекаетъ въ глубокое оврагъ, съ восточной стороны плато; къ югу долина рѣчки расширяется и выводитъ къ Текесу.

Къ сѣверу, въ недалекомъ разстояніи отъ Сумбѣ, видны высокія горы, покрытыя еще тогда снѣгомъ; по рассказамъ, въ срединѣ лѣта снѣгъ съ нихъ стаетъ. У Сумбѣ горы Тчалкуйде и Кара-тау соединяются въ одинъ общій, широкій хребетъ, который идетъ дальше на востокъ до Тянь-Шаня.

На плато построены Сумбѣ, буддійскій ламскій монастырь; Сумбѣ по-монгольски значить монастырь.

Монастырь не великъ,—его составляютъ 30 отшельниковъ, съ которыми членомъ прислужниковъ. Сама кумирня находится въ

глиняной оградѣ, почти квадратной, въ сторонѣ до 25 саж. и состоятъ изъ четырехъ деревянныхъ, незатѣйливыхъ зданій, съ крышами, загнутыми снизу, въ китайскомъ вкусѣ. По конькамъ и на концахъ крышъ находятся вырѣзанные изъ дерева изображенія драконовъ. Главное, самое большое зданіе, собственно кумирня, находится въ сѣверной части ограды; три остальныхъ, меньшія расположены къ югу, востоку и западу. По рассказамъ ламъ, они служатъ для помѣщенія пришлецовъ, обѣятыхъ желаніемъ возложить на себя обѣты отшельничества.

Около ограды, заключающей въ себѣ святыню буддиста, разбросаны жалкія, глиняныя лачужки, жилища ламъ.

Мы подошли къ монастырю неожиданно, и какъ не поразилъ обитателей его видъ отряда, съ пиками и ружьями, блестящими за спиной у каждаго казака, но они скоро оправилась и пришли привѣтствовать насъ съ хлѣбомъ и чаемъ, въ порядкѣ, чинно. Мы не хотѣли уступить имъ въ любезности и угостили ихъ нашимъ чаемъ съ сахаромъ, сухарями и водкой, которая особенно имъ понравилась; ей мы обязаны нашей скорой дружбой съ старшинами монастыря. Намъ хотѣлось побывать въ кумирнѣ, но старшій лама долго на это не соглашался. Раньше мы побывали у него въ гостяхъ и въ другихъ лачугахъ. Живутъ они ужасно грязно; воздухъ ихъ помѣщеній съ непривычки невыносимъ; гдѣ спитъ онъ, тутъ и бараны; а рядомъ съ спальней его кухня, изъ которой соръ едва ли когда нибудь выносятся. Монастырь вообще бѣденъ; близъ него есть нѣсколько пашенъ, но онѣ недостаточны для содержанія всѣхъ отшельниковъ. Эти пашни могутъ разрабатываться только небольшимъ числомъ прислужниковъ; самъ же отшельникъ, принявшій обѣты, не можетъ, по правиламъ буддизма, снискивать себѣ пропитаніе никакимъ трудомъ; не долженъ его искать ни въ водѣ, ни въ воздухѣ,—онъ можетъ пропитываться только подаваніемъ. Все время онъ употребляетъ на созерцаніе или, чтобы заплатить мирянамъ чѣмъ нибудь за прокормленіе, на поученіе. Такъ что каждый буддійскій монахъ есть въ полномъ смыслѣ тунеядецъ; да еще къ тому эгоистъ: онъ только для себя считаетъ возможнымъ достиженіе блаженства.

Во всякомъ случаѣ, подаванія должны быть не очень обильны; иначе бы у отшельниковъ не были такія истомленные, голодные физиономіи. Впрочемъ, сюда часто вѣзять на поклоненіе палками

и даже, какъ говорятъ, чиновники изъ Кульджи—что очень вѣроятно, потому что поддерживать буддизмъ между калмыками и монголами, вообще необходимо для китайской политики. Китай позаботился приобрести вліяніе на Далай-ламу, этого главу буддизма, воплощенное божество; а пока вѣрованіе въ догматы буддизма сильно въ народѣ, до тѣхъ поръ приказанія и совѣты Далай-ламы будутъ безпрекословно исполняться. Въ году есть нѣсколько важныхъ праздниковъ; въ эти дни бываетъ многочисленный съѣздъ въ Сумбѣ и всякій является съ какимъ нибудь приношеніемъ: кто съ чаемъ, кто съ бараномъ, кто съ частью лошади и проч.

Для приготовления пищи гостямъ, невдалекѣ отъ кумирни, находится кухня, замѣчательная своимъ огромнымъ котломъ, около 2-хъ аршинъ въ діаметрѣ. Въ немъ приготавливаютъ приношенія, поглощаемыя самими-же жертвователями.

Такой огромный котель, принадлежность всякаго Сумбѣ, объясняетъ нѣкоторые рассказы киргизовъ, странные сцены.

Проходя долину Кегена мимо Орто-тау, киргизы говорили мнѣ, что на одной изъ сопкокъ, очень высоко, есть большой котель. Послѣ, когда я ѣхалъ въ Кульджу, также слышалъ, что въ горахъ у истоковъ р. Хоргосъ находится огромный котель съ 12-ю ушками. Безъ сомнѣнія, здѣсь были монастыри, теперь разрушенные и оставленные.

Около Сумбѣ мнѣ нужно было простоять нѣкоторое время, чтобы дать отдохнуть лошадямъ; да и не хотѣлось уходить, не посмотрѣвъ въ кумирни. Настоятель-же все еще не соглашался насъ туда впустить; наконецъ въ одинъ вечеръ серебро, а больше водка, склонили его въ нашу пользу; онъ обѣщалъ вечеромъ на слѣдующій день сводить насъ въ кумирню.

Утромъ я занимался астрономическими наблюденіями и удивилъ старшаго ламу своимъ отражательнымъ инструментомъ.

Къ закату солнца поднялся было вѣтеръ; а надо замѣтить, что по угламъ кумирни развѣшаны колокольчики разныхъ размѣровъ; при вѣтрѣ они производятъ звонъ. Онъ принимается за знакъ присутствія духа, за нисхождение благодати боговъ на своихъ кумировъ. Потому то во время вѣтра, при звонѣ колокольчиковъ, лама ни за что не согласился-бы насъ ввести въ кумирню. Но вечеромъ вѣтеръ вдругъ стихъ. Лама не могъ уже отказаться провести насъ въ кумирню, тѣмъ болѣе, что изумленный моимъ инструментомъ и

не умѣя себѣ объяснить, что явилось имъ дѣлаю, онѣ, какъ послѣ мнѣ объяснилъ, приписалъ своимъ чарамъ прекращеніе вѣтра.

Довольно поздно мы, подъ предводительствомъ лама, отправились въ кумирню; насъ было человекъ пять. Шли съ большою таинственностью: чуть дуновеніе вѣтерка зашевелитъ языкъ у колокольчика, лама присядетъ и забормочетъ молитвы.

Кумирня небольшая комната; три ея стѣны заняты кумирами или бурканами, величиною почти въ человѣческой ростъ. Всѣхъ ихъ было 14. Они очень хорошей отдѣлки, но безобразнѣе и страшнѣе этихъ рожъ воображеніе едва ли можетъ что нибудь выдумать. Тутъ были и бѣлыя и черныя и красныя, съ 2 руками и съ 32, у самаго старшаго. Старшіе бурканы, стоящіе на первыхъ мѣстахъ, представлены съ своими супругами, ихъ позы не даютъ хорошаго понятія о стыдливости боговъ.

Высшіе боги пользуются совершеннымъ блаженствомъ; состоящимъ, по ученію буддистовъ, въ совершенномъ отрѣшеніи отъ жизни, нирванѣ; быть можетъ, это отрѣшеніе отъ всего житейскаго и хотѣла выразить особеннымъ состояніемъ супруговъ.

Впрочемъ, кумиры не входятъ нисколько въ сущность такого философскаго вѣрованія, какъ буддизмъ; онѣ не ладятъ съ его главными положеніями. Въ основаніяхъ буддизма нѣтъ верховнаго существа—промысла; есть будды, но ихъ существованіе абсолютное, независимое, не относящееся ни къ чему, то же что и несуществованіе.

Въ самомъ дѣлѣ, въ буддизмѣ три главныхъ, существенныхъ положенія: Переселеніе душъ, догматъ древнѣйшей религіи человека. Обстоятельства переселенія зависятъ отъ предъидущей жизни и въ нихъ выражается непосредственное воздаяніе за дѣла, свершенныя существомъ въ протекшей жизни. Хорошая жизнь влечетъ за собою возрожденіе къ лучшей жизни, въ человекѣ-ли болѣе одареннаго, или въ другомъ, лучшемъ мѣрѣ. А злая жизнь можетъ повести къ переселенію въ безсловесное животное и даже въ адъ, на долгія, но послѣднія мученія, до новаго отраднанаго воплощенія, искупленнаго страданіями.

Жизнь, въ обширномъ смыслѣ слова, есть только одно страданіе, все что живетъ, то страдаетъ. Посему то полное отрѣшеніе отъ жизни есть цѣль существованія. Существо рядомъ непрерывныхъ перерож-

деній, долгимъ мытарствомъ, стремится къ идеалу счастья и наконецъ достигаетъ цѣли: обращается въ будду, перестаетъ существовать понятнымъ для человѣка образомъ.

Единственное средство достигнуть блаженства, выйти изъ мытарствъ, есть принять обѣты отшельничества; то есть, какъ выше видѣли, сдѣлаться тунеядцемъ, эгоистомъ, бесполезнымъ членомъ общества. Благодаря такому поощренію будды, тунеядцевъ въ странахъ буддизма великое множество, начиная отъ первосвященника Далай-лама.

Кромѣ большихъ бурхановъ, на столѣ, посреднѣхъ кумирни, стояло множество небольшихъ, хорошо отдѣланныхъ, мѣдныхъ истуканчиковъ. Вокругъ кумировъ размѣщены низенькія лавочки въ два ряда, покрытыя краснымъ сукномъ, для молящихся.

Прибавьте къ тому множество разноцвѣтныхъ флаговъ по стѣнамъ и можно получить полное понятіе о внутреннемъ устройствѣ кумирни.

Когда мы ее осмотрѣли, лама повелъ насъ въ другое отдѣленіе, собственно моленную, находящуюся рядомъ съ кумирней и отдѣленную отъ нея узенькимъ крытымъ корридорчикомъ.

Моленная—простая комната, съ нѣсколькими рядами низенькихъ лавочекъ; съ боку находится жертвенникъ, то есть столъ, на которомъ предъ небольшимъ истуканомъ поставлены чашечки съ мукой. Сидя на этихъ лавочкахъ, буддисты распѣваютъ по книгамъ священныя свои пѣсни.

Наше вниманіе привлекли четыре шитыя шелками изображенія довольно безобразныя. Здѣсь лама съ удовольствіемъ объяснилъ намъ, что они представляютъ четырехъ сильнѣйшихъ владыкъ міра сего: китайскаго богдыхана, бѣлаго царя, крымскаго хана и коканскаго хана. Хотѣлъ ли онъ намъ польстить или нѣтъ, только бѣлый царь представленъ весьма не респектабельно и даже съ балалайкой.

Поблагодаривъ ламу за его услужливость и комплименты, мы отправились спать. На другой день утромъ я подарилъ ламѣ зажигательное стеклышко; онъ зналъ его дѣйствіе, но все-таки былъ въ восторгѣ.

Не смотря на строгіе обѣты отшельничества, лама ни отъ чего не отказывался и очень любилъ серебро, до котораго по правиламъ даже запрещено прикасаться.

11-го мая мы пошли вниз по рѣчкѣ Алванъ къ Текесу. Широкая долина Текеса, обрамленная съ юга Тянь-Шанемъ, представляетъ хорошія пажити; она была усыпана бѣлыми юртами богинь и ихъ многочисленными стадами. Здѣсь не бываетъ сильныхъ жаровъ, по возвышенности мѣста, и снѣгъ выпадаетъ небольшой, скоро тающій.

Во время нашей стоянки на Текесѣ, однажды, внезапно поднялась буря; рассказываютъ, что такое явленіе здѣсь не рѣдкость. Ненасытя и бури составляютъ характерную черту долинъ между горами: такъ, по Каркарѣ, по Кегену, по Текесу и проч. Текесъ имѣетъ до 30 сажень ширины, быстръ, мутенъ и глубокъ. Лѣвый берегъ его довольно высокъ, но правый низменъ и болотистъ:—рѣчки медленно, извилисто текутъ по немъ.

По Текесу растутъ множество кустарнику и низкій тополь, обыкновенное здѣшнее дерево; эти деревца были первыя, которыя мы увидала отъ Каркары. Съ береговъ Текеса, при впаденіи въ него рѣчекъ Муссартъ, вытекающихъ изъ Тянь-Шаня, весь Тянь-Шань, на сколько обнимаетъ глазъ въ обѣ стороны на востокъ и западъ, кажется громаднѣйшимъ кражемъ, предъ которымъ блѣднѣютъ оба Алатау. Если положить среднюю высоту Алатау противъ Вѣрнаго въ 10,000 футъ (пикъ Большой Алматинки имѣетъ 10,700 фут., а онъ немногимъ выше средней линіи, которую бы можно принять за границу хребта противъ Вѣрнаго), то средняя высота Тянь-Шаня будетъ не меньше 17,000 футъ.

Широкая, сплошная полоса бѣлаго, блестящаго снѣга покрываетъ весь хребетъ, на сколько былъ онъ виденъ. Прямо предъ глазами извивается дорожка, ведущая по Муссарту чрезъ горы и, около нея, громоздятся высшія точки хребта,—это ледяная группа Хань-Тенгри; справа у прохода особенно выдается одинъ пикъ, высшій въ этой группѣ. На востокъ, у истоковъ Аксу, также высятся надъ хребтомъ вѣсколько пиковъ; но вообще, къ востоку хребетъ казался понижаящимся. По утрамъ рано, при солнечномъ восходѣ, съ плато Сумбэ я не разъ видѣлъ Хань-Тенгри: онъ казался правильнымъ серебрянымъ конусомъ, блестящимъ на солнечныхъ лучахъ. По всей вѣроятности, часть хребта у Хань-Тенгри и истоковъ Муссартовъ покрыта ледниками. Китайцы, описывая проходъ чрезъ Тянь-Шань около Муссартовъ, прямо говорятъ о такъ называемыхъ ледяныхъ столахъ.

Въ части Тянь-Шаня, о которой идетъ рѣчь, существуетъ нѣсколько проходовъ чрезъ горы. Извѣстный изъ нихъ, называемый Муссартъ, ведетъ щелью рѣчки Уртунъ-Муссартъ. Въ началѣ прохода, у предгорій, находится китайскій карауль; онъ былъ ясно виденъ съ береговъ Текеса. Два другіе: Какпакъ и Аксу (Чаганъ-уссу) образуются рѣчками тѣхъ же именъ.

Отъ главнаго прохода Муссартъ есть, въ верстахъ 15 на западъ, другой проходъ того же имени. Главный поддерживается китайцами; они, какъ я слышалъ на берегахъ Текеса, вырубаютъ во льду ступени и содержатъ караулы. Но зато чрезъ этотъ проходъ могутъ проѣзжать только лица съ порученіями отъ правительства. Торговцы и киргизы ходятъ чрезъ другой проходъ Муссартъ. Оба прохода Муссартъ и Аксу выводятъ къ одному перевалу чрезъ хребетъ, а потому дорога разбивается на двѣ: одна ведетъ въ Куча, а другая въ Аксу, города Китайскаго Туркестана. Проходъ Какпакъ лежитъ западнѣе Муссарта, верстъ на 50; выводитъ къ верховьямъ Нарына, потомъ поворачиваетъ на западъ и ведетъ въ Кашгаръ. Безъ сомнѣнія, очень много другихъ проходовъ, доступныхъ всаднику, но караваны могутъ проходить только чрезъ выше названные.

Берега Текеса, отъ самыхъ истоковъ, заняты были черными-киргизами племени Богу.

За ними ближе къ Тянь-Шаню кочевали калмыки, исконные обитатели этихъ мѣстностей. Черные-киргизы состоятъ изъ многихъ племенъ; два изъ нихъ сосѣдственныя и самыя восточныя Богу и Сары-богишъ давно уже враждуютъ между собою. Когда-то Богу либили перевѣсъ надъ Сары-богишами и даже убили главу ихъ Урмана; послѣ такого подвига, вражда сдѣлалась непримиримою.

Урманъ пользовался большимъ уваженіемъ между Сары-богишами и убійство его повлекло за собою неистовое мщеніе: тутъ дѣло идетъ не о барантахъ, а кончалось чабарамъ съ убійствомъ, уводомъ въ неволю и истребленіемъ всего, что нельзя унести. Конечно, Богу платила Сары-богишамъ тѣмъ же при первой возможности.

Прежде Богу управлялась однимъ главою или, какъ называютъ черные-киргизы, мананомъ Бурамбаемъ, виновникомъ смерти Урмана; при немъ Богу еще держались въ наслѣдственныхъ земляхъ около Иссыкъ-куля, но послѣ его смерти власть раздѣлилась между многими мананами. Они не ладили между собою, и это болѣе увеличило

ихъ бѣдствіи. Сары-богиши, неуставая, ихъ преслѣдовали и наконецъ заставили покинуть родныя земли и искать спасенія въ бѣгствѣ, въ предѣлы Китая. Опыты не научили богиновъ единодушію и по прежнему мананы враждуютъ между собою. При Бурамбай, въ 1855 году, Богу приняли русское подданство. Самъ Бурамбай, имѣвшій княжеское достоинство китайской имперіи, былъ пожалованъ подковникомъ; многіе другіе получили также чины, медали или почетные халаты.

Теперь также они признаютъ подданство Россіи, и когда мы стояли на берегахъ Текеса, мананы насъ посѣщали, украшенные своими знаками отличій.

Внутреннія ссоры, при распряхъ съ Сары-богишами, могутъ повести къ уничтоженію племени Богу. Между тѣмъ и теперь еще аулы Богиновъ богаты: я видѣлъ множество скота, хорошія бѣлыя войлочные юрты. Численность Богу полагаютъ до 10,000 юртъ; они, узнавъ о непріязненности къ намъ Сары-богишей, предлагали сейчасъ же собрать 1000 всадниковъ и идти съ нами чабарить Сары-богишей.

Богины не въ ладахъ съ калмыками; послѣдніе жаловались намъ на разныя воровства и другія притѣсненія. Какъ слышно вообще, богины безпокойные сосѣди для китайцевъ; они пускаются даже на грабежи осѣдлыхъ поселеній. Достоверно, что въ 1858 г. богины разграбили деревню близъ Учъ-Турнана, города Китайскаго Туркестана. Но за такія предѣлки они расплачиваются своими головами въ Кульджѣ.

Калмыки составляютъ народъ монгольскаго племени, говорящій монгольскимъ языкомъ, исповѣдывающій, какъ и другіе монголы, буддійскую вѣру, ведущій кочевой образъ жизни.

Китайцы называютъ калмыковъ Чжунгарами или Элютами; послѣднее названіе есть и народное. Калмыкъ, при разговорѣ съ русскимъ, называетъ себя Калмакомъ; но точно такъ русскій, говоря съ китайцемъ, называетъ себя Олосомъ, потому что такъ зоветъ его бятаецъ.

Откуда произошло прозвище Калмакъ считаютъ неизвѣстнымъ, но во всякомъ случаѣ, русскіе его заимствовали отъ туркестанцевъ, которые познакомились съ калмыками раньше насъ. Поэтому я думаю, что калмыкъ есть названіе одного изъ родовъ Чжунгаровъ, особенно почему-либо памятнаго туркестанцамъ.

Чжунгаріей называется страна, принадлежавшая некогда калмыкамъ, составляющая нынѣ Семирѣченскій и Запѣдскій края на западѣ, простиравшаяся на востокъ до Алтая, на сѣверъ до границъ Россіи и на югъ до Тянь-Шаня. Поэтому Семирѣченскій и Запѣдскій края можно назвать Русскою Чжунгаріей, въ отличіе отъ другой, восточной части Чжунгаріи, китайской.

По паденіи въ Китаѣ Монгольской династіи Юань, Чжунгары составили союзъ, для большаго вліянія на дѣла всей монголіи, и ханы ихъ съ тѣхъ поръ начали называться ойратами. Сильнѣйшій изъ нихъ былъ ханъ Чаросскаго поколѣнія Чжунгаровъ; онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ родственное поколѣніе Элютовъ, столь многочисленное, что Чжунгары съ тѣхъ поръ начали называться Элютами. Чжунгарія еще въ прошломъ столѣтіи составляла сильное, независимое государство; весь калмыцкій народъ раздѣлялся (и удержалъ такое раздѣленіе до сихъ поръ), на четыре поколѣнія: Чаросовъ, Хошотовъ, Дурботовъ и Тургутовъ; изъ нихъ каждое управлялось своимъ ханомъ подъ верховною властью хана Чаросскаго поколѣнія.

Китай, наученный опытами, не могъ терпѣть сильнаго, безпокойнаго сосѣда, и послѣдній періодъ исторіи Калмыковъ, представляетъ непрерывныя войны съ Китаемъ. Но періодъ этотъ можно назвать блестятельными; Восточный Туркестанъ, даже Тибетъ, принадлежали тогда калмыкамъ, Развалины, приписываемыя калмыкамъ, и множество монгольскихъ названій въ Запѣдскомъ и Семирѣченскомъ краяхъ, свидѣтельствуютъ о распространеніи этого народа далеко на западъ.

Напримѣръ, по преданіямъ, названіе рѣки Тургенъ произошло отъ имени родоначальника калмыцкаго аймака, некогда здѣсь кочевавшаго, Чабдаръ, Кегенъ, Чжиргаланъ и множество другихъ— слова монгольскія.

Внутренніе раздоры помогли Китаю поработить калмыцкій народъ. Вѣрный своей политикѣ, пекинскій дворъ старался разжигать раздоры и поддерживалъ претендентовъ, противъ законныхъ властителей. Быть можетъ, онъ думалъ найти въ первыхъ послушныхъ вассаловъ, но всегда ошибался. Послѣдній ханъ калмыцкій Амурсана, занявшій престолъ при помощи Китая, тотчасъ поднялъ оружіе противъ своихъ покровителей. Тогда Китай, собравъ все силы, нанесъ Элютамъ послѣдній ударъ.

Амурсана бѣжалъ въ Сибирь и другой непріятель—Оспа, пре-
вратилъ бурные дѣянія послѣдняго влстителя калмыковъ.

Мщеніе китайцевъ было ужасно: одно только поколѣніе Дур-
ботъ, не принимавшее участія въ послѣднемъ возмущеніи, было по-
щажено. Остальные же Элюты, безъ различія пола и возраста, бы-
ли истребляемы. Спаслись немногіе, успѣвшіе бѣжать въ Россію или
Киргизскія степи. Чжунгарія потеряла свою самостоятельность и со-
ставила часть Китайской имперіи. Она была раздѣлена на 7 окру-
говъ. Изъ нихъ Или, Тарбагатай и Курь-кара-уссу составили Илій-
ское намѣстничество; Баркуль и Урумчи присоединены къ губерніи
Гань-су, а остальные два Кобдо и Улясутай имѣютъ своихъ глав-
нокомандующихъ. Такимъ образомъ, только малая часть калмыковъ
осталась кочевать на исконныхъ своихъ земляхъ. Дароды, не при-
нимавшіе участія въ возмущеніяхъ, кочуютъ до-нынѣ въ негосте-
примномъ За-Ордоѣ и у Кукенора.

Китайцы завели въ Джунгаріи военныя поселенія и стали пе-
реселять туда преступниковъ и бѣдняковъ, не имѣвшихъ земли въ
Китаѣ.

Но, въ скоромъ времени, воротилась на родину большая часть
калмыковъ, поколѣнія Тургутъ, ушедшихъ въ началѣ XVII вѣка съ
ханомъ Хо-Урдукомъ въ приволжскія степи. Такія эмиграціи кал-
мыковъ въ Россію, въ степи между Ураломъ и Волгою, повторя-
лись неоднократно. Они принимали русское подданство и часто при-
соединяли свои шайки къ русскимъ войскамъ, при военныхъ дѣй-
ствіяхъ противъ крымскихъ и кубанскихъ Татаръ.

Волжскіе калмыки поддерживали политическую связь съ Китаемъ;
а съ калмыками въ Чжунгаріи они не прекращали сношеній. Все
это заставляло ихъ живо помнить родину, съ ея отличными паст-
бищами. По окончательномъ покореніи Чжунгаріи, бѣжалъ на Вол-
гу одинъ князекъ, удѣлвшій отъ поголовнаго истребленія. Онъ
долго убѣждалъ волжскихъ калмыковъ воротиться на родину. По-
нятно, что привыкнувъ съ своими бѣглецами къ постояннымъ не-
урядицамъ и любя необузданную свободу, которую отстаивалъ вся-
кій калмыкъ до крайности, онъ не могъ жить мирно въ Россіи.
Наконецъ, ему удалось убѣдить хана волжскихъ калмыковъ Уба-
ша бѣжать на Или. Калмыкамъ это бѣгство казалось легкимъ: за-
чѣмъ русскимъ ихъ останавливать; киргизы всегда боялись ихъ

оружія, а Китай, истребивъ Элютовъ, можетъ быть, вывелъ свои войска изъ Чжунгаріи. И вотъ, въ началѣ 1771 года, большая часть волжскихъ калмыковъ двинулась въ путь. Путь, казавшійся имъ такъ легкимъ, оказался на дѣлѣ бѣдственнымъ. Около $\frac{2}{3}$ всего бѣжавшаго народа погибло на пути отъ меча, голода и жажды.

Русское правительство послало за ними погоню, но она дѣйствовала вообще слабо и калмыки отъ нея ничего не потерпѣли, но киргизы, возбужденные Китаемъ, который узналъ о движеніи калмыковъ на Или, и отчасти русскимъ правительствомъ, преслѣдовали калмыковъ шагъ за шагомъ, нападая то большими отрядами, то шайками. Лучшаго случая пограбить и утолить свою ненависть къ калмыкамъ имъ не могло представиться. Черные киргизы, узнавъ о походѣ калмыковъ и о возможности ихъ пограбить, прыгали отъ радости и нанесли Убаши жестокое пораженіе у озера Балхаша. Наконецъ, несчастные бѣглецы достигли предѣловъ своей родины и здѣсь послѣдняя иллюзія исчезла. Они могли войти въ предѣлы Китая не иначе, какъ признавъ полное его подданство.

Китайское правительство осыпало бѣжавшихъ милостями: они получили огромное пособіе скотомъ, хлѣбомъ, одеждою, юртами, серебромъ. Одного серебра имъ дано было болѣе 400 пудовъ. Хань ихъ были приглашены въ Пекинъ, гдѣ въ то время дворъ праздновалъ возвращеніе подъ скипетръ сына неба заблудшихся его сыновъ, приписывая это событіе особенной милости неба.

Бѣглецы не нашли однакоже того, за чѣмъ бѣжали—свободы; а опять подпали подъ власть ненавистнаго Китая. Они раскаялись и, кажется, думали воротиться въ Россію; но стѣсненные Китаемъ, раздѣленные большими пространствами, ничего не могли предпринять.

Въ настоящее время они кочуютъ въ округахъ Тарбагатай, Или, Кобдо и Харашаръ (по Юлдусу), находясь въ совершенномъ подчиненіи китайскимъ правителямъ; нѣкоторая часть ихъ обязана заниматься хлѣбопашествомъ для войскъ.

До сихъ поръ они не забыли послѣдняго своего хана Амурсану, а значить и своихъ ужасныхъ бѣдствій, претерпѣнныхъ ими отъ китайцевъ при покореніи Чжунгаріи.

Когда я путешествовалъ по берегамъ Текеса, гдѣ кочуютъ калмыки рода Тургутъ, многіе изъ нихъ посѣщали насъ и спрашивали у меня гдѣ теперь Батуръ-Амурсана. Онъ, какъ они говорили, очень

давно уже пошелъ къ бѣлому царю просить защиты отъ китайцевъ и до сихъ поръ еще не вернулся.

Калмыки называютъ насъ своими племянниками; такого дядюшку русскій найдетъ во всякомъ калмыкѣ. Послѣ первыхъ привѣтствій, калмыкъ начнетъ васъ убѣждать въ своемъ родствѣ и называетъ себя дядей. Въ родство съ нами они записались, вѣроятно, вслѣдствіе воспоминаній о прежней ихъ жизни въ Россіи, въ приволжскихъ степяхъ.

Калмыки мнѣ показались добродушнымъ народомъ; впрочемъ, я слишкомъ мало, по краткости времени, могъ узнать ихъ. Вообще же они описываются народомъ вѣроломнымъ, склоннымъ къ бунтамъ. Если въ вѣроломствѣ подозрѣваютъ ихъ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ Китаемъ, когда они не любили сдерживать своихъ обѣщаній, такъ и само китайское правительство никогда не считало ихъ за обязательнымъ слово, данное варварамъ. Бунтовъ же китайское правительство всегда можетъ отъ нихъ ожидать: провинціи, населенныя калмыками, такъ далеки отъ центра власти, что совершенно находятся въ рукахъ деспотовъ чиновниковъ, ни въ какой жалобѣ на незаконныя притѣсненія.

Но слѣдовало распрощаться съ калмыками и поторопиться назадъ на Каркару.

Съ береговъ Текеса, холмистою мѣстностью, мы вышли къ ключу Бюрю су, на мѣсто прежняго нашего ночлега.

Киргизы предупреждали беречь барановъ отъ волковъ, которыхъ въ этихъ мѣстахъ очень много. Къ сожалѣнію, ночь такъ была темна, что часовые и не замѣтили, какъ волки перерѣзали большую часть стада.

Отсюда прежнею дорогою, мимо Бора-дэбсунъ-норъ и по долинѣ Кегена, мы отправились на плато Каркары, куда я прибылъ 15-го мая.

Здѣсь нашли ожидаемое подкрѣпленіе въ 50 человекъ и, въ числѣ 150, не задумывались уже идти къ Иссыкъ-кулю.

Ровная площадь у впаденія Кегена въ Каркару, скоро проходитъ; а затѣмъ начинается мелкосопочникъ, вездѣ покрытый отличными травами. Дорога выводитъ къ ключу Талды-булакъ, у котораго опять разстилается зеленая равнина, занятая тогда Атбанами. Но Алатау и Т'янь-Шань вдругъ сближаются: мелкосопочникъ

у Тянь-Буака замѣняется предгорьями, покрытыми въ изобилие елью; отсюда путь идетъ, какъ корридормъ, узкимъ, болотистымъ плоскогорьемъ, раздѣляющимъ предгоря. Въ концѣ плоскогорья находится небольшое озерко, близъ котораго Тубъ, вытекающій на сѣверъ изъ Тянь-Шаня, поворачиваетъ на западъ. Нѣсколько дальше, горы еще больше сдвигаются, позволяя только Тубу стремительно пробѣгать между ними. Черезъ это мѣсто, высоко надъ потокомъ, извивается тропинка, образуя проходъ Санъ-Ташъ, не весьма удобный, длинный, съ крутыми подъемами и спусками, — зато очень живописный: окрестныя горы украшены елью, а у самой тропинки и въ ущельѣ, гдѣ течетъ Тубъ, кустарникъ и разныя деревца такъ изобильны, что за ними не видно Туба, который только шумомъ напоминаетъ себя. Перейдя Санъ-Ташъ, Тубъ не надолго оставляетъ вѣво за небольшими горами и выходитъ къ рѣчкѣ Табулгуты, притоку Туба. Долина между горами, которую перерѣзываетъ Табулгуты, въ началѣ узкая, съ замѣтнымъ наклономъ къ западу, постепенно расширяется и наконецъ, глубоко внизу, открывается безграничный Иссыкъ-Куль. Но до озера остается еще одинъ переходъ по ровной широкой долинѣ Туба, орошенной многими ручьями.

По всей дорогѣ, отъ Каркары до устья Туба, не было недостатка ни въ водѣ, ни въ кормахъ для лошадей и верблюдовъ; а близъ Санъ-Таша, мы нашли множество дикаго луку.

Предъ проходомъ, у озера, находятся двѣ большія груды камней. Киргизы говорятъ, что эти груды набросаны войсками Тамерлана и вотъ по какому случаю: Тамерланъ велъ свое войско изъ Самарканда на опустошеніе Илійской долины. Перейдя Санъ-Ташъ, онъ пожелалъ знать число своихъ воиновъ и велѣлъ каждому изъ нихъ бросить по камню въ общую груду. Такимъ образомъ составила одна большая груда, ручавшаяся за успѣхъ дѣла. По окончаніи похода, Тамерланъ опять остановился у Санъ-Таша и велѣлъ всякому воину снять по камню ими прежде накиданной груды. Тогда по грудамъ увидѣли, сколько воиновъ осталось въ живыхъ и сколько погибло. Такимъ образомъ Тамерланъ воздвигнулъ памятникъ своимъ храбрымъ сподвижникамъ, погибшимъ въ боюхъ и боже счастливымъ, еще увидавшимъ родину.

Санъ-Ташъ, въ переводѣ, несчетные камни; отсюда названіе прохода.

Подходя къ Иссык-кулю, мы были удивлены отсутствіем Сары-богишей. Послѣ узнали, что большая часть ихъ, особенно не расположенная къ русскимъ, откочевала на южный берегъ озера. На сѣверномъ остались аулы Умбетъ-али, сына Урманова, который много удерживалъ Сары-богишей въ то время, когда маленький отрядъ въ 40 человекъ стоялъ на озерѣ.

Самъ Умбетъ-али съ своимъ старшимъ сыномъ выѣхалъ къ намъ на встрѣчу съ киргизскими гостинцами: кумысомъ, айраномъ и водкой изъ кумыса, противнымъ, одуряющимъ наиткомъ, Сары-богиши, а особенно старшій манащъ ихъ Умбетъ-али, большіе охотники до водки. Мы не видѣли ни разу Умбетъ-али трезвымъ и послѣ узнали, что преимущественное занятіе въ его аулахъ составляетъ перегонка кумыса на водку. Мы остановились на устьѣ Туба, на сѣверномъ его берегу. Тубъ при устьѣ образуетъ болота и само озеро впадаетъ въ берегъ заводами, тоже съ болотистыми берегами; эта болотистая извилистая, при устьѣ Туба, ограничена съ сѣвера обрывомъ довольно высокимъ, у котораго мы и остановились. Здѣсь находились хорошія травы и кромѣ того еще два четыреугольных глиняныхъ вала, ограждавшихъ киргизскія могилы; въ нихъ на ночь загоняли лошадей. Больше всего въ походахъ должно опасаться угона лошадей. Киргизы мастера на это: нѣсколько человекъ не слышно прекрадутся въ табуръ и разомъ, вскочивъ на лошадей, загоняютъ; лошади такъ пугаются, что рвутъ путы, несутся за водителями и тогда уже ихъ не воротить.

Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ насъ находилась могила Исабека, манапа богиновъ, очень красивая. Бѣдные киргизы надъ своими покойниками дѣлаютъ простые, невысокіе курганы, а кто побогаче, тотъ обноситъ могилу глинянымъ валомъ, часто аршина въ 3 вышиною. Иногда памятники дѣлаютъ въ родѣ склеповъ съ сводами, затѣливой отдѣлки. Могила Исабекова была сложена таджикцами, за известную плату, изъ обожженнаго кирпича; сводъ ея внутри былъ разрисованъ звѣздами по голубому фону.

Расподожившись, мы услышали, что коканцы недавно собирали дань съ Сары-богишей и теперь идутъ назадъ. Умбетъ-али явился къ намъ на переговоры, съ просьбою безпрепятственно ихъ отпустить; мы, конечно, не имѣли причинъ ихъ задерживать.

Дань или зекеть, собираемая коканцами съ подвластныхъ имъ

родовъ черныхъ-киргизовъ, довольно тяжела. Она раздѣляется на три рода: дань съ каждой юрты по одному барану; дань съ барановъ, съ каждаго 50 штукъ, по одному; дань съ хлѣба, съ каждаго гумна, по три барана. Налогъ можетъ увеличиваться, смотря по обстоятельствамъ Кокана.

Коканцевъ было человекъ 40; они вели съ собою нѣсколько тысячъ барановъ и, кромѣ того, имѣли много вьючныхъ лошадей; во вьюкахъ были ткани и ямбы, которые коканцы берутъ гораздо охотнѣе, вмѣсто барановъ. Ямбами называются серебряные слитки, разной величины, составляющіе въ Китаѣ единственную серебряную монету, вообще высокой цѣнности. Эти слитки и ткани черные киргизы вымѣниваютъ у китайцевъ и туркестанцевъ на скотъ.

Пора познакомить читателя ближе съ черными киргизами¹⁾. — народомъ мало извѣстнымъ, съ которымъ не многимъ русскимъ случилось стать лицомъ къ лицу.

Черныхъ киргизовъ или кара-киргизовъ русскіе зовутъ еще дикокаменными. Китайцы же—бурутами.

Киргизъ-казаки называютъ ихъ кара-киргизами; между собою же киргизъ-казаки, называя себя просто казакъ, чернаго-киргиза зовутъ киргизомъ.

Русскіе назвали ихъ дикокаменными по жестокости характера и по мѣстности, ими занимаемой. Китайцы производятъ ихъ отъ народа Пулу или Буру, искони обитавшаго на мѣстахъ внынѣ занятыхъ бурутами. Сами черные-киргизы производятъ себя, страннымъ образомъ, отъ красной собаки.

Разсказываютъ, что дочь какого-то хана имѣла обыкновеніе ходить гулять далеко отъ ауловъ, въ сопровожденіи 40 дѣвицъ. Разъ какъ-то, воротившись съ прогулки, она нашла аулы отца совершенно уничтоженными непріателемъ; ни одного человекъ не было въ живыхъ. Только одна красная собака встрѣтила ханшу съ ея подругами и продолжала быть неразлучнымъ и единственнымъ товарищемъ мужскаго пола, при осиротѣвшихъ скиталицахъ. Ханша и ея 40 подругъ зачали и произвели на свѣтъ родоначальниковъ—

¹⁾ Большею частью свѣдѣній о черныхъ киргизахъ я обязанъ И. А. Бардашеву, переводчику Алатавскаго округа и отличному знатоку киргизской народности. Впрочемъ, многія изъ нихъ я вторично слыхалъ отъ самихъ черныхъ-киргизовъ или татаръ, торгующихъ съ ними.

черныхъ киргизовъ. Вотъ простѣйшее преданіе дикокаменныхъ ихъ происхожденія. Впослѣдствіи они разукрасили эту сказку и передаютъ ее розно.

По инымъ, роль красной собаки замѣняетъ молодой человекъ; бывший переодѣтымъ въ свитѣ ханши. Другіе же рассказываютъ еще замысловатѣе. Одинъ святой мужъ былъ сожженъ въ Андижанѣ и пепель его брошенъ въ озеро; отъ того озеро забушевало и выкинуло на берегъ комокъ пѣны. Дочь хана и ея 40 подругъ, гуляя по берегу, нашли этотъ комокъ и изъ любопытства попробовали его. Отъ этого они зачали; но отцы не повѣрили ихъ рассказамъ и, какъ предлюбодѣкъ, прогнали. Подруги ханши, считая ее первой виновницей своего несчастья, заставили ханшу бѣжать отъ себя; ее провожала только одна вѣрная, красная собака.

Послѣ какой то молодець встрѣтилъ ханшу, женился на ней и прижилъ съ нею дѣтей. Когда умеръ отецъ, дѣти стали дѣлать наследство и не хотѣли ничего дать рожденному чудеснымъ образомъ отъ пѣны и названному, въ память событія, киргизомъ (крыкъ-кызъ сорокъ дѣвиць). Киргизъ бѣжалъ въ Андижанъ, и отъ него произошли черные-киргизы.

У киргиза было два сына: Абль и Кобль. Отъ перваго произошелъ отдѣлъ Овъ (правый), составляющійся изъ восточныхъ поколѣній: Богу, Сары-багышъ, Султъ, Черикъ, Саякъ, Чонъ-Багышъ и Джадыгеры. Отъ Кобля произошли поколѣнія Сару, Кокче, Мундузъ и Китай, кочующіе западнѣ первыхъ и составляющіе отдѣлъ Солъ (лѣвый).

Особенно замѣчательно восточное положеніе праваго крыла (Овъ) и западное—лѣваго (Солъ). Хищные кочевые народы, составляя какъ бы походную армію, раздѣляясь на два крыла: правое и лѣвое. У пришлецовъ съ сѣвера, естественно, правое крыло должно находиться и находилось на западѣ, а лѣвое на востокѣ. Обратное случилось у пришедшихъ съ юга.

Это обстоятельство, вмѣстѣ съ преданіями самихъ киргизъ и указаніями китайскихъ лѣтописей, кажется, опровергаетъ мнѣніе, выводящее киргизовъ отъ истоковъ Енисея.

Должно думать, что черные киргизы искони составляли особый народъ турецкаго племени, обитавшій въ мѣстахъ, гдѣ и понынѣ кочуютъ.

Дикокаменные кочуютъ отъ вершинъ Текеса почти до Бухары на западъ. Отъ верховій Текеса до восточныхъ береговъ Иссыкъ-куля кочуютъ Богу, за ними Сары-багишъ, Султъ, а дальше четвере поколѣнія отдѣла Солъ. На южной сторонѣ Тянь-Шаня кочуютъ Саякъ, Черякъ, Чонъ-багишъ, Джадыгеръ до Хотана на югъ, занимаютъ плато Памиръ и переходятъ за Болоръ въ Вадакшанъ и даже Кундузъ.

Черные киргизы считаютъ себя подданными того государства, гдѣ они кочуютъ. Богу состоятъ въ русскомъ подданствѣ. Сары-багишъ, Саякъ и весь отдѣлъ Солъ подвластны Кокану; многіе ихъ мананы занимаютъ важныя мѣста и пользуются большимъ вліяніемъ въ Коканѣ.

Киргизы, кочующіе въ предѣлахъ Китая, состоятъ на положеніи жителей Восточнаго Туркестана. Вообще же можно сказать, что черные-киргизы почти независимы; подданство ихъ больше существуетъ на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ.

Численность всѣхъ черныхъ-киргизовъ невозможно опредѣлить. Богу считается около 10,000 юртъ; Сары-багишей столько же. Если положить на всякое поколѣніе среднимъ числомъ 10,000 юртъ, а на каждую юрту по 5 душъ мужескаго пола, то всѣ 11 поколѣній составятъ болѣе полъ-милліона душъ.

Поколѣнія дѣлятся на роды, которые знать бесполезно. Родъ часто мѣняетъ свое прозвище и начинаетъ называться по имени какого нибудь особенно замѣчательнаго манана. Такъ, напримѣръ, въ поколѣніи Сары-багишъ есть одинъ родъ, называвшійся прежде Булатъ; потомъ онъ сталъ называться Исенгулъ, по имени манана Исенгула; а теперь тотъ же родъ зовется Урманъ, по имени послѣдняго родоваго манана Урмана, знаменитаго богатыря. Тоже самое происходитъ въ ордахъ киргизъ-казаковъ и другихъ кочевыхъ народовъ. Поколѣнія и роды черныхъ киргизовъ управляются мананами, которые происходятъ изъ среды народа. У нихъ нѣтъ „бѣлой кости“ султановъ; потому то киргизъ-казаки называютъ ихъ кара-киргизами, то есть черными киргизами.

Въ край сохранились остатки рва съ валомъ, идущаго отъ верховій р. Каратала, чрезъ Или, до истоковъ Чу.

Вотъ что разсказываютъ объ немъ.

Когда-то киргизы просили какого-то хана отдать имъ своего

сына въ султаны. Ханъ согласился и отпустилъ къ киргизамъ малолѣтняго своего сына Джучи; но, на дорогѣ, онъ наѣхалъ на стадо кулановъ и былъ ими увлеченъ. Тогда отецъ изъ мщенія рѣшился истребить кулановъ. Онъ велѣлъ вырыть ровъ, котораго остатки до сихъ поръ видны, и погналъ къ нему всѣхъ кулановъ. Они падали въ ровъ и погибали; спасся одинъ только самецъ съ самкой, которые могли перескочить ровъ. Отъ того то въ Заилійскомъ и Оеширѣченскомъ краяхъ нѣтъ кулановъ, а между тѣмъ ихъ очень много въ западныхъ частяхъ киргизскихъ степей.

Такимъ образомъ этотъ Джучи былъ первымъ и послѣднимъ султаномъ черныхъ киргизовъ.

Размѣры власти манапа много зависятъ отъ личнаго его характера. Часто манапъ управляетъ деспотически, какъ наприм. покойный Урманъ, а случается, какъ теперь у Богу, что народъ имѣетъ главнѣйшее вліяніе на дѣла.

Кара-киргизы говорятъ тѣмъ же турецкимъ языкомъ, какъ и киргизъ-казаки, съ небольшою только разницею; языкъ кара-киргизовъ правильнѣе; но киргизъ-казакъ и кара-киргизъ свободно понимаютъ другъ друга. Кара-киргизы считаютъ себя мусульманами, но познанія ихъ о своей религіи крайне невѣжественны. Они не имѣютъ понятія объ обрядахъ мусульманства: о намазѣ, омовеніяхъ, постахъ; я ни разу не слыхалъ, чтобы киргизъ, въ какомъ-либо обстоятельстве, призвалъ „Аллаха“, что такъ обыкновенно у другихъ мусульманъ; нѣкоторымъ удалось подмѣтить, что киргизъ, въ такомъ случаѣ, подобно шаманскимъ народамъ, обращается „къ небу“.

Говорятъ, что у нихъ до сихъ поръ сохранились явные слѣды древняго шаманства: они поклоняются огню въ извѣстные дни, имѣютъ священныя рощи, въ которыхъ, по ихъ преданіямъ, жилъ или скончался какой-либо праведникъ.

Теперь эти повѣрья мало-помалу исчезаютъ. Мусульманству дали укрѣпиться въ Малой и Средней киргизъ-казачьихъ ордахъ и даже поощряли его; отсюда мусульманскій фанатизмъ проникаетъ мало-по-малу въ большую орду, а за нею и къ дикокаменнымъ. Кара-киргизы очень видный, рослый народъ, наклонный къ хищничеству. Между ихъ оружіемъ, такимъ же, какъ и у киргизъ-казаконъ: шашкой, пикой, лукомъ, у многихъ встрѣчаются турки: неуклюжія ружья съ фитилями; изъ которыхъ, впрочемъ, они жѣтко стрѣляютъ.

Самая мѣстность, занимаемая кара-киргизами, должна имѣть суровое вліаніе на ихъ характеръ. Здѣсь нѣтъ тѣхъ улыбающихся ландшафтовъ, къ которымъ такъ идутъ бѣлые барашки съ розовыми ленточками. Здѣсь природа суровая и строгая красавица. Ландшафтъ Иссыкъ-куля отнюдь не веселый: прямо предъ глазами сѣрыя, часто испѣненные, волны озера уходятъ подъ горизонтъ, а справа и слѣва стоятъ черныя горы, однообразныя, какъ стѣна; на нихъ, изъ-за предгорій, не видно ни бѣлковъ, ни зубчатыхъ вершинъ, такъ разнообразящихъ картину.

Въ заводяхъ Иссыкъ-куля водится несмѣтное количество рыбы: подъязковъ, чебаковъ, маринки, сазановъ. Съ отрядомъ былъ неводъ и ловля была такъ обильна, что въ нѣсколько часовъ налавливали рыбы для цѣлаго отряда. Сазаны (родъ карповъ) попадались до 1½ аршина длины; эта рыба весьма жирная и вкусная. Киргизы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о рыбномъ промыслѣ; они не знаютъ лодокъ и не умѣютъ плавать.

Когда наши казаки неводили рыбу и при этомъ плавали, изумленію киргизовъ не было конца. А между тѣмъ они охотно ѣдятъ рыбу и всегда изъ добычи выпрашивали на свой пай.

Когда отрядъ, бывшій раньше на озерѣ, пошелъ на встрѣчу къ намъ, Умбетъ-али выпросилъ небольшой неводъ у казаковъ, думая имъ ловить рыбу. Но надежды его не сбылись. Киргизы ограничились тѣмъ, что положили неводъ у берега, предполагая въ немъ особенную притягательную силу, которая заставитъ рыбу саму набраться въ неводъ. Конечно, при такомъ способѣ, они не поймали ни одной рыбки, а только изорвали неводъ. Обиліе рыбы было таково, что часто, переѣзжая Тубъ, казаки били рыбу шашками.

Отъ устья Туба, преслѣдуя главную свою цѣль, мнѣ нужно было вернуться на плато Каргары. Рано выѣхавъ, къ вечеру на рысяхъ я поспѣлъ туда. Во время этого пути, около Санташа, зоркіе глаза провожавшихъ меня киргизовъ замѣтили барантачей, при помощи казаковъ ихъ изловили. Баранта необходима для киргиза; она поддерживаетъ его дѣятельность и даетъ пищу нескончаемымъ спорамъ, имѣющимъ особенную занимательность въ однообразной жизни киргиза. Баранта начинается съ воровства: если открытый воръ не соглашается отдать сколько слѣдуетъ обкраденному, — простому киргизу въ троѣ, а султану — въ девятеро. Если при ссорѣ нанесены

были раны или съдѣлано убійство, пострадавшая сторона требуетъ удовлетворенія—куна, болѣе или менѣе значительнаго, смотря по важности раненаго или убитаго. Такъ, когда одинъ родъ не отдаетъ за украденное или не платитъ куна другому, между ними начинается баранта. Если бы даже стараніями старшинъ этихъ родовъ или вмѣшательствомъ другихъ обоюдныя претензіи были прекращены, всегда найдется предлогъ возобновить баранту, вспомнивъ о какойнибудь неотданной лошади.

Убійства важныхъ лицъ влекутъ за собою чабары. Такъ, между Сары-багишами и Богу, за убійство манана первыхъ, происходитъ жестокая вражда.

Послѣ, когда мы ушли отъ озера, Богу напали на Сары-багишей, перебили множество народа и между ними одного манана. Отсюда возникаетъ новая причина къ мести, которая окончится развѣ съ совершеннымъ обезсиленіемъ обоихъ племенъ.

Когда причина къ ссорѣ маловажна, такъ баранта производится изъ одного удовольствія: надобно же молодежи поучиться, показать свою удалъ предъ красавицами.

Шайка, часто человекъ въ 50, пробирается по ночамъ потаенными мѣстами до ауловъ, въ которыхъ думаетъ поживиться; отгоняетъ табуны и, не оглядываясь, не жаль лошадей, летитъ домой.

Киргизы очень не прочь побарантовать и у русскихъ, но и истые казаки не уступаютъ киргизамъ въ ловкости и находчивости при барантахъ. Разъ какъ-то два казака отправились въ ближайшій аулъ, съ цѣлю увести быка; они благополучно дошли до ауловъ и благополучно стянули быка; но на бѣду, свѣжекъ, который порохилъ до тѣхъ поръ, пересталъ. Что дѣлать? По слѣдамъ на свѣгу, киргизы найдутъ и быка и воровъ. Казаки не потерялись; скидаютъ съ себя сапоги и надѣваютъ ихъ на ноги быку, но только носками назадъ, а сами садятся верхомъ на быка и такимъ порядкомъ отправляются домой. Киргизы хватились быка и видятъ ясно, что онъ уведенъ казаками, да только доказать нельзя,—по слѣдамъ видно только, что два человека прошли въ ихъ аулъ и еще не ворочались. Такъ киргизы и отступились.

Много подобныхъ разсказовъ я слышалъ тамъ я, судя по нимъ, казакъ находчивъ въ такихъ штукахъ. Но иногда и они попадаютъ въ просакъ. Какъ то, послѣ подобной продѣлки, киргизы неотступно

просили, чтобы имъ отдали украденное. А кто отдасть, когда они вора не знаютъ? Но киргизскій знахарь, бакса, вызвался гаданіемъ открыть вора, на что всё согласились. Онъ въ темную комнату приносить пѣтуха, и требуетъ, чтобы каждый прошелъ чрезъ комнату и погладилъ пѣтуха: у вора, по его словамъ, отъ этого почернѣютъ руки. Всё проходятъ, гладятъ пѣтуха и у всѣхъ руки оказываются замаранными сажею; только у одного, дѣйствительнаго вора, они остались не запачканными. Уловка киргиза, на которую онъ поддѣлывалъ казака, попятна.

При устьѣ Туба, на южной сторонѣ, мнѣ указали остатки вала, едва, впрочемъ, замѣтные. Отъ этихъ развалинъ вверхъ по долинѣ Туба, по дорогѣ, которою мы шли, попадаются каменные грубо вытесанные параллелепеды, съ изображеніемъ на верху человѣческаго лица. Они, какъ будто, правильно разставлены и, при первомъ впечатлѣніи, наводятъ на мысль, что здѣсь было кладбище того города, который былъ у устья Туба; а каменные болваны представляютъ надгробные памятники.

Фигуры начинаютъ попадаться версты за три отъ озера; дальше къ западу по берегу я видѣлъ еще нѣсколько такихъ болвановъ, больше же нигдѣ ихъ не встрѣчалъ. Какому народу принадлежать развалины вала и эти памятники—трудно сказать.

Край, о которомъ идетъ рѣчь, отдѣляетъ нагорную Азію отъ степныхъ странъ, простирающихся отсюда на сѣверъ и западъ на огромное пространство, чрезъ киргизскія степи до Ледовитаго океана и равнинъ Европы. Чрезъ него проходили племена, эмигрировавшія изъ Азіи, и долго на немъ останавливались, не желая промѣнять его обильныхъ пастбищъ на голыя степи, разстилавшіяся впереди, пока не были вытѣсняемы вновь нахлынувшими толпами. Отсюда вышли, быть можетъ, наши праотцы—племена индо-германскія.

Китайскія лѣтописи, еще до начала нашей эры, указываютъ на обитавшій здѣсь народъ Усунь, голубоокой и блѣднѣй, управляемый своими кенгами. Народъ этотъ былъ силенъ, и Китай старался поддерживать съ нимъ дружественныя сношенія. Есть указаніе, что Усуни имѣли недалеко отъ Иссыкъ-куля городъ Чугучинъ, на рѣкѣ Красной. На нѣкоторыхъ картахъ городъ этотъ означенъ у самаго устья Туба. Быть можетъ, описанные слѣды у устья Туба суть остатки этого города.

Для любопытныхъ прибавимъ, что Усуни, по всей вѣроятности, вошли въ составъ киргизскаго народа. Встрѣтить киргиза съ усунскимъ типомъ не рѣдкость, особенно въ большой Ордѣ. Отъ устья Туба я долженъ былъ воротиться въ Вѣрное. Мы отправились въ числѣ 10-ти человекъ, оставивъ остальныхъ людей отряда на прежнемъ мѣстѣ у устья Туба. Рѣчка Табулгуты, о которой я уже говорилъ, образуетъ проходъ черезъ горы, выходящій на среднюю Мерке; этимъ проходомъ мы и отправились. Проходъ Табулгутинскій на высшихъ точкахъ хранилъ тогда еще снѣгъ (31 мая), хотя въ очень незначительномъ количествѣ. Онъ удобенъ, и по немъ ходятъ небольшіе караваны, съ вьючными верблюдами.

За гористую мѣстностью Мерке простирается каменистая долина Желанашъ. Пройдя ее, вышли къ Чилику, на берегу котораго въ тѣнистой, тополевой рощѣ, мы заочевали. На утро съ трудомъ отыскали бродъ и черезъ небольшія горы вышли къ рѣчкѣ Дженичке, притоку Чилика. Отъ нея должно перейти тоже не высокія горы, но съ утомительными подъемами, и спусками съ нихъ вышли въ долину Кындыкъ, на которой нашли аулы атбановъ. За Кындыкомъ перешли черезъ высокій хребетъ Кизилъусъ, на которомъ былъ тогда еще снѣгъ, и длинною щелью вышли наконецъ на долину Асы, орошенную рѣчкою того же имени, довольно обширную, покрытую отличными травами; здѣсь кочевалъ въ то время нашъ старый знаемецъ Атамкулъ. На радостяхъ встрѣчи, онъ устроилъ байгу. Такъ называется бѣгъ, устраиваемый киргизами на поминкахъ или просто безъ особенныхъ причинъ, по взаимному согласію. Нѣсколько киргизъ, обыкновенно мальчиковъ, на лучшихъ лошадяхъ ѣдутъ въ перегонку и часто на значительномъ разстояніи, иногда верстъ на 50; кто раньше дойдетъ до цѣли, тотъ считается побѣдителемъ и получаетъ лучшій призъ. Другіе, послѣ прискакавшіе, получаютъ, въ свою очередь, меньшіе призы. Призами служатъ обыкновенно скотъ или ткани, какъ наприм. нарча, базъ. Недалеко отъ цѣли, пріятеля состязавшихся дожидаютъ ихъ, и если бѣговая лошадь устаеетъ, побѣдителя се криками и даже просто тащатъ, стараясь опередить другихъ. При этомъ одна сторона мѣшаетъ другой и происходитъ большая неурядица, кутерма.

Аулы Атамкула, какъ и другіе роды киргизовъ, кочуютъ лѣтомъ въ горахъ; здѣсь, при пріятной прохладѣ, всегда бываютъ въ это

время хорошіе кормы для стадъ и нѣтъ недостатка въ водѣ. На зиму же они уходятъ въ низменныя долины, гдѣ климатъ умѣреннѣе, чѣмъ въ горныхъ щеляхъ. Не нужно думать, чтобы киргизы кочевали безъ всякаго порядка, гдѣ кому вздумается; напротивъ, каждый родъ знаетъ свои мѣста и не занимаетъ кочевокъ, принадлежащихъ другому роду. Такъ, наприм., родъ Кизиль-буркъ-аулы Атамкула кочуетъ зимою около Тургеня, по Илійской долинѣ; лѣтомъ же на долинѣ Асы. Кара-Кыстекъ зиму проводитъ на Джеланашъ, а лѣто на Мерке и по Каркаръ.

Изъ долины Асы въ низменность Или выходятъ щелью, образованной рѣчкой Тургенъ. Здѣсь на горахъ уже не было снѣгу. Самъ проходъ не труденъ, но длиненъ; онъ ведетъ троинкою, часто узкою, надъ глубокимъ оврагомъ, съ крутыми, каменистыми склонами, въ которомъ стремится Тургенъ. Онъ, какъ и другія горныя рѣчки, незамѣтно образуется изъ небольшихъ ручейковъ и течетъ въ началѣ чрезвычайно быстро, по руслу, покрытому большими камнями, съ шумомъ покрываясь весь бѣлой пѣной. Когда приходилось идти высоко надъ русломъ, Тургенъ казался серебрястымъ, замершимъ ручейкомъ.

Во время дождя трудно пройти Тургенемъ: глинистая почва размягчается и лошади скользятъ. Щель Тургеня постепенно расширяется и наконецъ образуетъ живописную, покрытую кустарникомъ, долину, выводящую изъ горъ. Отсюда, верхней дорогой у самага подножія горъ, мы пріѣхали въ поселеніе Иссыкъ, на рѣчкѣ того же имени; верстахъ въ 15 проѣзжали другое поселеніе Талгаръ и наконецъ къ ночи прибыли въ Вѣрное.

Поселеніе Талгаръ и Иссыкъ только что обстраиваются; при мнѣ было въ обоихъ не больше двухъ, трехъ домиковъ, совершенно готовыхъ. Плодородіе земли, изобиліе по близости въ горахъ строеваго лѣса и отличный климатъ ручаются за будущее ихъ процвѣтаніе.

По окончаніи своихъ наблюденій въ Вѣрномъ, я отправился обратнo къ Иссыкъ-кулю. Сперва до Асы прежнею дорогою чрезъ Тургенъ. На Асы насъ встрѣтилъ сынъ Али—старшаго султана Дулатовъ, который просилъ меня захватить къ отцу. Онъ тогда стоялъ у верховій рѣчки Асы съ своими теленгутами. Такъ называются рабы султановъ, потомки когда-то уведенныхъ въ неволю при набѣгахъ или перекупленные. Теленгутъ есть названіе одного рода

кирмызовъ; вѣроятно, въ началѣ, количество рабовъ нѣзъ этого рода было такъ значительно, что послѣ теленгутами стала называться всѣхъ рабовъ, безъ различія націй. Теленгуты находятся въ полномъ распоряженіи султана; они всегда сопровождаютъ его при кочевкахъ и составляютъ его прислугу. Съ султаномъ Али кочевали вмѣстѣ и его сыновья; юрты султанскаго семейства отличались отъ другихъ только бѣлымъ войлокомъ и величиною.

Али старикъ, помнящій еще вліяніе китайцевъ на киргизъ-казацкія орды; онъ самъ когда-то ѣздилъ въ Пекинъ, на поклоненіе Богдыхану. Я былъ свидѣтелемъ, съ какимъ почтеніемъ обращались къ нему другіе киргизы, не исключая почетныхъ старшинъ: они привѣтствовали его словомъ «алдіаръ»—ваша свѣтлость, и только послѣ приглашеній рѣшались занять мѣста.

На другой день мы перешли проходъ Чанъ-Будокскій, лежащій какъ я Кивиль-аусъ въ главной, сѣверной цѣпи Алатау, но только нѣсколько выше послѣдняго. Съ высшей точки прохода открывается великолѣпная картина: назади долина Асы, съ своею зеленью и разбросанными аулами; а впереди, какъ внезапно окаменѣвшія волны морскія, до того глубоко и причудливо изрыта мѣстность. Подъ собою видите тонкія облака, которыя струятся мимо васъ, охватывая сыростью.

Наконецъ мы пришли къ рѣчкѣ Дженичке, текущей здѣсь въ глубокое ущелье, сплошь поросшемъ внизу у рѣчки въ тѣнистомъ оврагѣ, красивою, высокою елью, а выше разнообразнымъ кустарникомъ: барбарисомъ, бѣлымъ шиповникомъ, смородиной и проч. Довольно длинный подъемъ изъ ущелья проходимъ съ удовольствіемъ, какъ въ саду. Затѣмъ перевалили небольшой кряжъ Таманъ-Карагай, весь покрытый елью, и вышли на равнину, гдѣ въ кочевавшихъ тамъ аулахъ расположились на ночлегъ, недалеко отъ Чилика. Между Дженичке и Чиликомъ идетъ невысокій хребетъ Далашикъ, часть котораго, по нашей дорогѣ, называется Таманъ-Карагай. На другой день мы начали спускаться къ Чилику. Онъ здѣсь течетъ въ чрезвычайно крутомъ и глубокомъ, красивомъ ущельи. Въ началѣ ущелья, въ верну ущелья, Чиликъ казался узенькой серебряной ленточкой; но уже былъ слышенъ рокотъ его волнъ, столь сильный, что у берега удобно было кричать, чтобы слышать другъ друга. По берегамъ Чилика въ обѣ стороны простыраются узенькія долинки, удобныя для кочевого, но никакъ тогда не санитнаго.

Съ трудомъ отыскали бродъ и переправились чуть не вплавь. У брода въ Чиликѣ впадаетъ небольшая рѣчка Шиноты, щелью которой мы начали подыматься на горы. По рѣчкѣ растетъ много большихъ беревокъ, которая я увидѣлъ здѣсь въ первый разъ.

Пройдя нѣсколько вверхъ по рѣчкѣ, мы повернули на востокъ и чрезъ горы перешли въ щель рѣчки Курметинка, впадающей ниже Шиноты въ Чиликѣ.

Долго дорога была удобною, по красивой долинкѣ Курметинки; около самой рѣчки росъ кустарникъ, а по отлогимъ скатамъ горъ стройная ель. Но ущелье становилось уже, скаты его круче и каменистѣе, ландшафтъ угрюмѣе; къ нашей досадѣ и такъ узкая тропинка завалена была въ иныхъ мѣстахъ срубленными деревьями; такія баррикады дѣлаютъ киргизы для затрудненія барантачей. Ель становилась рѣже, и наконецъ ее замѣнилъ верескъ. Почва обратилась въ каменную розсыпь, и рѣчка разбилась на нѣсколько ручейковъ, журчащихъ между камнями.

Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ труднѣе было пробираться между камнями. Скоро мы почувствовали холодъ: недалеко впереди забѣлѣли снѣга. Тонкій слой снѣга покрывалъ, какъ скатертью, усыпанную камнями почву и часто лошади, обманутыя его ровною поверхностью, проваливались въ щели между камнями. Наконецъ мы подошли къ бѣлому, острому пику, чрезъ который надо было перевалить; по бокамъ его лежали массы снѣга, скрывая собою пропасти. Верхомъ тутъ нельзя уже было ѣхать: мы спѣшились и пѣшкомъ, загваками взобрались по страшной крутизнѣ. На остріѣ пика, кульминаціонной точкѣ прохода, можно было повернуться только одному человѣку, и ползкомъ спустились съ него къ такимъ же ручейкамъ, какіе видѣли прежде.

При всемъ нерасположеніи восхищаться, мы были поражены величественною панорамой, открывшеюся предъ нами въ началѣ спуска чрезъ щель: за первымъ планомъ беспорядочно нагроможденныхъ каменныхъ массъ, разстала голубой, покойный Иссыкъ-Куль; а за нимъ, вдали, синѣла въ туманѣ высокая стѣна Тянь-Шаня, какъ будто подымающаяся изъ самаго озера.

Спускъ ведетъ къ рѣчкѣ, называемой также Курметы. Здѣсь часто обѣ рѣчки, получающія начало около одной точки водораздѣла, но текуція въ противоположныя стороны хребта, носятъ тоже имя.

Спускъ по южному склону Алатау не лучше подъема: много разъ приходилось переходить съ одного берега на другой, и безчисленные, громадные валуны мѣшали безпрестанно спокойно проѣхать.

Поздно вечеромъ мы пришли къ выходу рѣчки на долину озера и остановились у пещеры, указанной намъ проводникомъ киргизомъ; нѣкоторые изъ насъ переночевали въ ней, а другіе подѣли елей, во множествѣ растущихъ по ущелью. На другой день рано утромъ мы были уже у устья Туба, гдѣ меня ожидалъ отрядъ.

Отъ устья Туба мы отправились вѣсьмъ стадомъ по сѣверному берегу Иссыкъ-куля, на западную его оконечность, къ урочищу Кутемалды.

Иссыкъ-куль или Тузъ-куль киргизскія названія озера, по-русски теплое или соленое озеро; по-монгольски же Темуртуноръ—железо содержащее. Куль по-киргизски, а норъ по-монгольски значить озеро. Оно имѣетъ около 170 верстъ длины, отъ устья Туба до Кутемалды, и до 50 верстъ наибольшей ширины.

Глубина озера неизвѣстна, но должно полагать, что очень велика; первые русскіе, увидавшіе его, гг. баронъ Сильвергельмъ и Хоментовскій имѣли лодку, съ которой они начали было дѣлать промѣры, и нашли, невдалекѣ отъ берега, около 40 сажень глубины; обстоятельства имъ помѣшали разяснить этотъ интересный вопросъ. Заключенное между высочайшими хребтами Тянь-Шанемъ и Алатау, оно поднято на 5,300 футовъ надъ уровнемъ океана. Это озеро, подобно нѣкоторымъ другимъ горнымъ озерамъ, никогда не замерзаетъ,—отъ того его зовутъ теплымъ. Вода въ немъ чистая, солоноватая, но не противная. Железнымъ его называютъ по песку, находящемуся на юго-западномъ берегу озера, изъ котораго киргизы добываютъ железо. По сѣверному берегу я нигдѣ не встрѣчалъ признаковъ такого песку; но самъ видѣлъ образчики его съ юго-западнаго берега. Рассказываютъ еще, что на южномъ берегу есть мѣдь.

По обѣимъ сторонамъ озера находятся небольшія долины, называемыя сѣверная Кунгей, а южная Терскей. Долины эти не широки: Кунгей въ самомъ широкомъ мѣстѣ не имѣетъ болѣе 8 верстъ. Терскей, по рассказамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ до 12 вер. ширины.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горы очень близко подходятъ къ озеру;

на северномъ берегу около середины озера онѣ совсѣмъ вдаются въ него, образуя мысъ Ки-сынгырь. Здѣсь приходится идти по узкой тропинкѣ, на крутомъ косогорѣ; въ иныхъ мѣстахъ обрывы такъ круты, что тропинка ведетъ у самой воды. Рассказываютъ также, что и на западной сторонѣ Терска есть такія же мѣста.

Береговья долины хорошо орошены быстрыми, горными рѣчками. Въ озеро впадаетъ до 70 рѣчекъ; изъ нихъ самая большая Чжиргаланъ, на которой, гдѣ-то, по рассказамъ киргизъ, есть золотоносный песокъ.

Въ верховьяхъ Аксу, впадающей въ озеро близъ Джиргаланана, есть теплые, минеральные ключи. Грунтъ на Кунгеѣ каменистый; часто значительныя площади покрыты камнями, между которыми попадаются валуны огромной величины.

По Иссыкъ-кулю, на самыхъ долинахъ Кунгей и Терскей, киргизы кочуютъ только зимою; лѣтомъ же они съютъ тутъ хлѣбъ, а сами удаляются въ ущелья.

Снѣгъ выпадаетъ небольшой и лежитъ на долинахъ отъ ноября до половины февраля; на это время рѣчки покрываются льдомъ. Лѣтомъ не бываетъ сильныхъ жаровъ: термометръ въ июнѣ обыкновенно показываетъ 15° R., а по ночамъ такъ даже очень прохладно.

Погода была большею частью ясная; но часто вдругъ подымается сильный вѣтеръ, обыкновенно западный, и тогда разыгрывается озеро и долго бушуетъ, уже по прекращеніи вѣтра.

По рѣчкамъ и около самаго берега озера, съ небольшими исключениями, растетъ узкой полосой разнообразный кустарникъ.

Дно у берега песчаное, въ иныхъ мѣстахъ покрытое булыжниками.

Урочище Кутемалды есть пространныя равнина у западной оконечности озера; она тянется до р. Чу, верстъ на 7 и оканчивается у западный берегъ озера.

На равнинѣ между Чу и озеромъ находится узкій, извилистый каналъ; вода въ немъ почти не имѣетъ движенія. Всѣ единогласно утверждаютъ, что это арыкъ, когда то вырытый калмыками для орошенія пашень.

Можно думать также, что этой рѣчкой озеро, когда горизонтъ его былъ выше, отливало воды, вмѣстѣ съ Чу.

Чу противъ озера называется Кашкаромъ; здѣсь онъ мутенъ,

имѣть до 12 саж. ширины и быстръ. Дальше онъ пробиваетъ себѣ дорогу чрезъ южную цѣнь Алатау и, принявъ рѣчку Кебинъ, начинаетъ называться Чу.

Я уже говорилъ о слѣдахъ древнихъ обитателей Иссыкъ-Куля при устьѣ Туба. По всему сѣверному берегу озера мы встрѣчали курганы разной величины и часто очень значительные; одинъ изъ нихъ мы вздумали разрыть, но не имѣя ни средствъ, ни времени, не довели работу до конца; впрочемъ, нашли черепки глиняной посуды, самые простые. Такіе курганы попадаются часто въ Илійской долинѣ.

У Дикокаменныхъ киргизъ сохранилось преданіе о древнихъ обитателяхъ, имѣющее тѣсную связь съ легендою объ образованіи озера. Они говорятъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь озеро, была когда-то равнина, орошенная рѣкою, и на ней стоялъ городъ невѣрнаго народа. Развратъ достигъ въ немъ крайней степени: одна великая грѣшница нашла въ немъ пріютъ и одобреніе своимъ дѣламъ, вмѣсто осужденія; тогда терпѣніе Божіе истощилось, и городъ испыталъ судьбу Содома и Гомора—провалился, а на мѣстѣ его образовалось озеро.

Другіе рассказываютъ легенду иначе; у невѣрнаго народа, обитавшаго на равнинѣ, былъ бездѣтный ханъ; онъ долго молился о дарованіи ему наследника и наконецъ молитвы его были услышаны. Жена хана, гуляя, однажды встрѣтила осла, изъяслявшаго ей особенное расположеніе; ханша не осталась равнодушною къ его ласкамъ, и скоро въ домѣ хана явился наследникъ Джанибекъ-ханъ, но съ ослиными ушами. Какъ онъ скрывалъ знаки своего происхожденія до смерти отца,—неизвѣстно, но, по вступленіи на престолъ, прибѣгнувъ къ жестокой мѣрѣ, всякій царюльникъ, брившій ему голову, немедленно подвергался смерти.

Наконецъ, стали уже бросать жребій, кому изъ подданныхъ брить хана и затѣмъ умереть. Разъ жребій выпалъ ловкому, молодому человеку, который такъ умѣлъ понравиться Джанибекъ-хану, что онъ его оставилъ при себѣ, съ правомъ брить голову, не опасаясь смерти, и еще сдѣлалъ своимъ первымъ министромъ; но крѣпко на крѣпко заказалъ хранить его тайну.

Но министръ не долго выдержалъ; на одной изъ охотъ его соколъ обогналъ ханскаго и онъ въ порывѣ восторга закричалъ; „мой

соколы лучше сокола Джанибекъ-хана—ослиной головы*.

Опомнившись, въ страхѣ, онъ немедленно бѣжалъ въ горы.

Долго онъ скитался и только изрѣдка, по ночамъ, посѣщалъ городъ. Въ немъ, у колодца, въ негодованіи на возобновившіяся жестокости хана, молилъ Бога о ниспосланіи всѣхъ бѣдъ ему и его развратному народу, терпѣвшему такое иго. Молитвы-ли его дошли до неба, или грѣхи народа превысили мѣру милосердія Божія, только, послѣ одной изъ такихъ молитвъ, вдругъ изъ колодца стала бить вода, въ такомъ изобиліи, что залила городъ и образовала Иссыкъ-Куль.

Изъ озера волненіемъ выбрасываетъ разныя вещи до нынѣ. Такъ, напримѣръ, достовѣрно, что въ 1847 году на южный берегъ выброшены были два мѣдныхъ котла съ различными изображеніями; котлы эти были доставлены нашедшими киргизами Коканскому хану.

Подобныя сказки объ образованіи озеръ разсказываются и другими народами. Невѣрный городъ могъ находиться у берега озера и послѣ, отъ повышенія водъ или перемѣнъ въ очертаніи береговъ вслѣдствіе землетрясеній, могъ быть затопленнымъ.

Въ настоящее время воды озера понижаются; такъ говорятъ киргизы, и, кромѣ того, видъ берега въ иныхъ мѣстахъ указываетъ на то же. По Кунгею берегъ оканчивается невысокимъ обрывчикомъ, за которымъ слѣдуетъ узкая полоса, обыкновенно покрытая кустарникомъ, выходящая на нѣтъ къ водамъ озера.

Окончивъ наблюденія на Кутемалды, я отправился въ Вѣрное. Сперва по сѣверному берегу озера, до рѣчки Дюренинъ-су, которая ведетъ къ трудному перевалу Дюре-Асы, чрезъ южную цѣпь Алатау. На этомъ перевалѣ мы оставили до семи верблюдовъ. Бѣдныя животныя, измученныя предъидущимъ походомъ, не въ силахъ были перенести послѣднюю трудность. Они легли и никакими усиліями нельзя было заставить ихъ подняться. Киргизы, видя приближающуюся кончину нашихъ сотрудниковъ, изъ состраданія переклоли ихъ; но, при этомъ, не забыли ободрать съ нихъ кожи и срѣзать мясо.

Вотъ такимъ-то образомъ каждый трудный проходъ покрывается костями животныхъ, которыя могутъ указать заблудившемуся путнику настоящую тропинку.

Проходъ Дюре-асы, ведетъ къ Кебину, притоку Чу.

Кебинъ здѣсь не широкъ и мелокъ; долина его узка; но еловыя